П. Е. Астафьевъ.

УЧЕНІЕ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

ВЪ ЕГО ЦѢЛОМЪ.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

М. П. Астафьевой.

МОСКВА
Типографія П. Е. Астафьева, Арбатъ, домъ Платонова.
1892.

Пров. 1955

Пр.

PV
4900
Топ
Ост

553
36

Посвящаю

моимъ дорогимъ молодымъ друзьямъ,

бывшимъ моимъ слушателямъ, студентамъ

университетскаго отдѣленія Лицея Цесаревича Николая

съ 1881 по 1890 годъ.

П. Е. Астафьевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рѣдко удавалось оригинальному нравственно-философскому ученію, при самомъ появленіи его на свѣтъ, оказать на современное общество такое глубокое и широкораспространенное дѣйствіе, какъ удалось это ученію графа Л. Н. Толстого. Еще будучи высказываемо только въ неясныхъ намекахъ, отрывочныхъ размышленіяхъ и многосмысленныхъ притчахъ, оно уже заинтересовало и взволновало всѣ умы, къ какимъ бы общественнымъ слоямъ они ни принадлежали, на какомъ бы уровнѣ ни стояли. Въ однихъ эти намеки возбуждали только неясную тревогу за что-то родное душѣ, дорогое, въ другихъ — рѣзкую враждебность и очень опредѣленное негодованіе, въ огромной массѣ, наконецъ, они встрѣтили болѣе или менѣе сочувственный отголосокъ; но вездѣ они нашли такой или иной искренній отзывъ, никого не оставивъ *равнодушнымъ*.

Общій интересъ къ еще неясно и отрывочно, но въ увлекательно-живой и ярко-художественной формѣ высказываемому новому ученію долгое время все возрасталъ и разгорался, благодаря, главнымъ образомъ, *двумъ* обстоятельствамъ. Первое — видимая *простота* этого новаго ученія, дѣлавшая содержаніе его вполнѣ доступнымъ не только для умовъ высоко-развитыхъ, привыкшихъ къ напряженному мышленію и философски-подготовленныхъ, но и для чуждающагося всякой философіи, непривычнаго къ работѣ мысли и сложному умствованію элементарнѣйшаго здраваго смысла. Второе — его неполная законченность и вытекающая отсюда *неопредѣленность*, оставлявшія возможность различно толковать и оцѣнивать наличные отрывочные и неясные намеки на его. Не были видны еще ни *начала*, *ни концы* всего ученія, не была видна внутренняя связь отдѣльныхъ положеній его, не былъ виденъ поэтому и истинный смыслъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, его своеобразное значеніе.

Этимъ открывалась возможность для однихъ — останавливаться исключительно на томъ, что въ этихъ намекахъ представлялось слишкомъ уже парадоксальнымъ (наприм., отрицаніе науки и искусства, собственности и раздѣленія труда и т. п.), или слишкомъ рѣзко отрицающимъ наши укоренившіяся, ставшія нашею плотью и кровью вѣрованія и надежды (наприм., религіозное ученіе графа Л. Толстого). Для другихъ существенными въ имѣвшихся на лицо отрывкахъ ученія представлялись, наоборотъ, несомнѣнно здравые совѣты гигіены и жи-

тейскаго благоразумія, приглашавшіе къ болѣе простой деревенской жизни и физическому труду, дающимъ и здоровье и душевное спокойствіе, — искренно-негодующій протестъ противъ извращенныхъ условіями жизни извѣстной среды ложныхъ задачъ и интересовъ, дѣлающихъ эту жизнь и страшно безсодержательной, безсмысленной, и въ корнѣ своемъ ложной и презрѣнной (наприм., въ „Смерть Ивана Ильича"), — такой же сильный протестъ противъ притязаній самодовольнаго эгоизма и приглашеніе дѣятельно любить ближнихъ и помогать имъ и т. п. Въ первомъ случаѣ получалось естественно-искреннее и безпощадное осужденіе, во второмъ—столь же искреннее и горячее сочувствіе, признаніе ученія. Не было еще видно той *общей почвы*, изъ которой выросли и вызывающія негодованіе и осужденіе, и возбуждающія къ себѣ сочувствіе отдѣльныя стороны его. Не было поэтому и возможности для столь различно оцѣнивавшихъ не вполнѣ еще выяснившееся ученіе противниковъ согласиться ни въ *общихъ началахъ* оцѣнки его, ни въ настоящемъ *значеніи* отдѣльныхъ спорныхъ его положеній. Не были еще видны, повторяю, ни начала, ни концы, которые несомнѣнно указывали бы на это значеніе и на настоящій смыслъ всего ученія.

Теперь время неопредѣленности, колебаній и питающихъ безконечные и безплодные споры недоумѣній навсегда кончилось. И начала и концы спорнаго ученія опредѣленно высказались. Не можетъ уже быть сомнѣній и насчетъ *настоящаго* смысла и достоинства и всѣхъ

посредствующихъ между ними положеній, такъ долго остававшихся загадочными,—и этихъ „здравыхъ“ совѣтовъ гигіены и благоразумія, и этой „возвышенной“ проповѣди любви и правды жизни наряду со всѣми отрицаніями того, въ чемъ человѣчество искони искало этой любви и правды. Начала ученія вполнѣ ясно высказались въ ученіи „о жизни“ (de la vie), концы — въ „Крейцеровой сонатѣ“,—произведеніяхъ, уже достаточно извѣстныхъ нашей читающей публикѣ если не изъ негласныхъ изданій, то изъ изложеній и критикъ нашей періодической печати. Только теперь, поэтому, и настала пора чуждой недоумѣній и произвольныхъ толкованій, полной и безпристрастной оцѣнки этого ученія, такъ долго и такъ горячо интриговавшаго современное общество своей загадочной оригинальностью.

На послѣдующихъ страницахъ, представляющихъ попытку такой оцѣнки ученія графа Л. Толстого въ его цѣломъ, я старался быть не только безпристрастнымъ, но и — по возможности—*безстрастнымъ*. Если послѣднее мнѣ стоило очень немалыхъ усилій, — вѣдь слишкомъ трудно сохранять олимпійское спокойствіе, обсуждая *полное отрицаніе* всего, чѣмъ живетъ душа наша, что для нея дорого и свято и безъ чего жизнь для нея обращается въ колоссальную безсмыслицу!—то во многихъ читателяхъ эта намѣренная безстрастность критика оставитъ впечатлѣніе какой-то неудовлетворенности. Для многихъ совершенно спокойное обсужденіе такихъ *жизненныхъ* вопросовъ безъ всякаго лиризма, безъ вспышекъ негодованія и вражды,—почти равнозначуще даже

съ *холоднымъ* отношеніемъ къ самимъ вопросамъ. Но задача критики,—а это задача въ настоящемъ случаѣ самая настоятельно-необходимая,—не въ яркомъ выраженіи личной страсти и убѣжденія критика, а въ раскрытіи внутренняго значенія и достоинства самаго предмета обсужденія. Пусть этотъ предметъ *самъ* говоритъ за себя, самъ и произноситъ надъ собою судъ, тѣмъ болѣе рѣшительный, чѣмъ менѣе въ немъ замѣшаны постороннія предмету страсти. Въ послѣдующемъ изложеніи ученія гр. Л. Н. Толстого, поставивъ себѣ задачею, чтобы ученіе это говорило *само за себя или противъ себя*, я именно въ виду этой задачи даже намѣренно не говорю,—тамъ, гдѣ это возможно, не нарушая *существеннаго* смысла цѣлаго,—о нѣкоторыхъ подробностяхъ его, слишкомъ ужь рѣзко оскорбляющихъ нашу мысль и чувство, разжигающихъ страсти, но ненужныхъ для ясной характеристики цѣлаго (таковы, наприм., признаніе любви къ отечеству за ложь и мерзость, нѣкоторыя толкованія евангельскихъ истинъ и т. п.). Отъ подобной умѣренности общій отрицательный выводъ критики относительно цѣлаго долженъ, казалось бы, стать только болѣе вѣскимъ и убѣдительнымъ.

Пусть объ этомъ судитъ читатель.

П. Е. Астафьевъ.

26 августа 1890 г.

Ученіе графа Л Н. Толстого въ его цѣломъ.

I.

Wer die Welt vernünftig ansieht, dem sieht sie auch vernünftig aus.

Hegel.

Натуры глубокія, богато одаренныя и страстныя, оставляютъ и на своихъ судьбахъ и дѣлахъ, и на выраженныхъ ими мысляхъ и чувствахъ рѣзко отмѣчающую ихъ печать цѣльности, законченности и какой-то роковой, стихійной послѣдовательности. Чуждыя разбросанности и опредѣляемыхъ внѣшними, случайными воздѣйствіями окружающей среды колебаній въ разныя стороны, составляющихъ удѣлъ осторожной, безстрастной и безыдейной посредственности, онѣ и въ мысляхъ, и въ дѣлахъ, и въ чувствахъ своихъ всегда *доходятъ до конца,* ни передъ какимъ крайнимъ выводомъ не отступая. Эта-то законченность и какъ-бы стихійная, неуклонная послѣдовательность мысли и страсти и придаетъ совершенно особый интересъ изученію произведеній и жизненныхъ судебъ подобныхъ натуръ. Такое

изученіе ихъ роковыхъ подвиговъ и преступленій, ихъ великихъ открытій и грандіозныхъ заблужденій несравненно-поучительнѣе анализа безчисленныхъ болѣе мелкихъ и менѣе цѣльныхъ характеровъ. Это такъ потому, что оно съ совершенной ясностью раскрываетъ передъ нашей мыслію тотъ путь, который неизбѣжно должна выполнить та или другая идея, та или другая страсть, *всецѣло* овладѣвшія духовною жизнью человѣка и предоставленныя въ своемъ развитіи исключительно самимъ себѣ. Этимъ дается и одно изъ убѣдительнѣйшихъ средствъ для оцѣнки дѣйствительнаго значенія, достоинства той или другой идеи и страсти, которыя можно прослѣдить здѣсь въ ихъ ничѣмъ постороннимъ не затемненномъ и не восполненномъ внутреннемъ развитіи до конца; — оцѣнки по ихъ *внутреннему*, ничѣмъ не прикрашенному существу. Но для того, чтобы изученіе произведеній и судебъ такихъ одаренныхъ и сильныхъ натуръ было дѣйствительно поучительнымъ въ указанномъ смыслѣ, необходимо прежде всего, чтобы оно уловило именно характеризующую эти натуры *цѣльность и послѣдовательность* ихъ образа. Необходимо, чтобы оно не ограничилось отрывочной оцѣнкой и анализомъ того или другаго отдѣльнаго проявленія ихъ духа, не дающаго о немъ, въ своей отрывочности, правильнаго понятія. Здѣсь все внутренно связано и въ самомъ изучаемомъ предметѣ и въ изученіи его.

Среди немногихъ дѣйствительно крупныхъ нашихъ писателей послѣдняго времени колоссальная фигура графа Л. Н. Толстого представляетъ безспорно наиболѣе типичное и цѣльное воплощеніе той глубины, вѣрности себѣ и беззавѣтной страстности, о которыхъ мы говоримъ. Поэтому и критическое изученіе произведеній его, менѣе чѣмъ изученіе какого-бы то ни было другого писателя, можетъ быть отрывочнымъ, дѣлающимъ свои

выводы на основаніи отдѣльныхъ его произведеній, или того или другого *рода* этихъ произведеній, художественныхъ, религіозно-нравственныхъ или философскихъ. Болѣе, чѣмъ какой-либо другой писатель, гр. Л. Толстой можетъ быть правильно понятъ и оцѣненъ только *по всей полнотѣ* своихъ произведеній. Въ каждомъ изъ нихъ,—и въ самомъ крупномъ—и въ самомъ незначительномъ, и въ художественномъ, и въ нравственно-философскомъ, и въ религіозномъ,—онъ *все тотъ-же*, неизмѣнно вѣрный себѣ и только яснѣе и яснѣе высказывающійся графъ Левъ Толстой. Выяснить, опредѣлить ту единую идею, которая въ разнообразныхъ формахъ высказывается въ каждомъ изъ этихъ произведеній, обращая каждое изъ нихъ въ дополненіе и разъясненіе всѣхъ другихъ, значитъ, и выяснить и опредѣлить весь духовный образъ гр. Л. Толстого. Только понявъ эту идею, руководящую всей его духовною жизнью и развивавшуюся постепенно во всѣхъ формахъ его многолѣтняго творчества, получимъ мы и начало, разъясняющее ту роковую *внутреннюю необходимость*, съ которой это грандіозное но тѣмъ болѣе прискорбное, трагическое развитіе совершилось. Получимъ мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и прочное основаніе для *оцѣнки* этого поучительнаго именно по своей цѣльности и роковой послѣдовательности развитія. Всякая другая оцѣнка такого законченнаго и цѣльнаго міровоззрѣнія, какъ міровоззрѣніе гр. Л. Толстого, — наприм., исходящая изъ противорѣчія тѣхъ или другихъ его положеній разнымъ признаннымъ и твердо установившимся ученіямъ, юридическимъ, экономическимъ или церковнымъ,—или изъ указанія логическихъ промаховъ писателя, неточности, неправильности аргументаціи, ненаучности и т. п.,—не коснется *самаго корня* всего ученія. Она не обнаружитъ съ совершенной полнотой и убѣдитель-

ностью его внутренняго значенія и достоинства, оставляя въ конечной оцѣнкѣ возможность разныхъ компромиссовъ, принятія одной части ученія при отрицаніи другихъ и т. д. Но именно здѣсь, въ вопросѣ о значеніи міровоззрѣнія гр. Л. Толстого, менѣе всего можно остановиться на компромиссахъ и посредствующихъ *примирительныхъ* сужденіяхъ: здѣсь умѣстно только *или все или ничего.*

А между тѣмъ именно графу Л. Толстому особенно посчастливилось на такія „половинныя", содержащія въ себѣ компромиссы, сужденія о его произведеніяхъ. Посчастливилось ему и на критику ихъ отрывочную, останавливающуюся только на одномъ или другомъ родѣ этихъ произведеній, разсматривающую ихъ внѣ совокупности и внутренней связи и оцѣнивающую ихъ не по внутреннему достоинству высказавшейся въ нихъ общей идеи, а по ихъ сопостановленію съ тѣми или другими признанными (но стоящими внѣ этой идеи) ученіями. Ничего нѣтъ обыкновеннѣе, какъ полное отдѣленіе графа Л. Толстого, какъ художника, отъ графа Л. Толстого, какъ мыслителя и моралиста, или убѣжденное признаніе его нравственно-философскихъ ученій (или хотя части ихъ) рядомъ съ отрицаніемъ его „ученія" религіознаго. Даже у такого умнаго и тонкаго критика, какъ М. де-Вогюэ, мы встрѣчаемся съ первымъ; даже у такого глубокаго мыслителя, какъ А. А. Козловъ, недостаточно опредѣленно выяснена связь между рѣшительно отрицаемымъ имъ религіознымъ воззрѣніемъ графа Л. Толстого и его нравственно-философскими взглядами *), а кн. Д. Н. Цертелевъ даже го-

*) Мы говоримъ здѣсь о превосходныхъ статьяхъ А. А. Козлова въ „философскомъ трехмѣсячникѣ".

воритъ въ началѣ своего изложенія ученія графа о „жизни“, что онъ будетъ „ограничиваться нѣкоторыми комментаріями, *такъ какъ возражать по существу почти не приходится*“, причемъ какъ бы не замѣчаетъ, что съ ученіемъ „о жизни“ и стоятъ, и падаютъ *всѣ другія* ученія гр. Л. Толстого, и нравственное, и религіозное,—ученія, съ которыми кн. Д. Н. Цертелевъ далеко не согласенъ.

Благодаря подобному дробному изученію произведеній гр. Л. Толстого по частямъ и родамъ, и критикѣ ихъ внѣшней (не по внутренней состоятельности ихъ общей идеи, а лишь по сопоставленію ихъ съ другими признанными ученіями, моральными и религіозными) происходитъ нѣчто даже очень странное и могущее очень многихъ читателей поставить рѣшительно въ тупикъ. Происходитъ то, что графъ Л. Толстой въ изложеніи и критикѣ его нравственно-философскаго ученія, напр., у князя Д. Н. Цертелева, представляется совсѣмъ *не тѣмъ* крупно-оригинальнымъ и вызывающимъ во всякомъ случаѣ *не* среднюю, примирительную оцѣнку своей мысли, графомъ Толстымъ, какъ въ „Бесѣдахъ“ высокопреосвященнаго Никанора, болѣе полно и глубоко, чѣмъ другіе критики, разобравшаго „ученіе“ гр. Л. Толстого въ его цѣломъ. Тогда какъ у перваго гр. Л. Толстой производитъ впечатлѣніе писателя, „почти какъ и всѣ“, только немного болѣе обыкновеннаго—смѣлаго, страстнаго, парадоксальнаго, яркаго и эксцентричнаго,—у высокопреосвященнаго Никанора онъ уже производитъ совсѣмъ иное, несравненно болѣе крупное, но и рѣзкое, и правдивое впечатлѣніе,—и притомъ *не только* со стороны своего особаго отношенія къ вѣроученію церкви (какъ односторонне оцѣнивается онъ, наприм., въ бойкихъ и живыхъ „Замѣткахъ“ Ю. Николаева), а и какъ философъ и психологъ. Части всего

ученія, разбираемыя въ послѣднихъ критическихъ произведеніяхъ кн. Д. Н. Цертелева и высокопреосвященнаго Никанора о нравственномъ ученіи гр. Л. Толстого, мы, какъ во многомъ взаимно-дополняющія, и сопоставимъ здѣсь. Изложеніе наше будетъ по необходимости сжато. Но самая сжатость его, освобождая суть дѣла отъ затемняющаго пестраго и *казуистическаго* ея изложенія у графа Л. Толстого (отдѣльные случаи, личные опыты, лирическія вспышки, перемѣшанныя съ философствующими разсужденіями), будетъ способствовать уясненію внутренней связи сопоставляемыхъ частей и характеристикѣ цѣлаго. Это сопоставленіе поведетъ насъ естественно къ выясненію основной движущей идеи всего творчества гр. Л. Толстого, какъ художника и мыслителя-моралиста, и къ ея внутренней оцѣнкѣ.

II.

Въ двухъ статьяхъ: „Ученіе графа Л. Н. Толстого о жизни“ („Русск. Обозр.“ 1890 г., іюль) и „Нравственная философія гр. Л. Н. Толстого (М. 1889 г.) кн. Д. Н. Цертелевъ излагаетъ и комментируетъ, подвергая часть ихъ болѣе или менѣе полной критикѣ, тѣ стороны ученія гр. Толстого, которыя не непосредственно связаны съ религіозными воззрѣніями послѣдняго. Уже это разсмотрѣніе нравственнаго ученія графа Л. Толстого, совершенно отрѣшенное отъ его религіознаго ученія, значительно искажаетъ полное и вѣрное представленіе о первомъ. Вопросы о личномъ безсмертіи, личномъ Богѣ, личномъ общеніи съ нимъ и личномъ спасеніи — отнюдь не менѣе тѣсно связаны съ самимъ существомъ нравственнаго ученія, чѣмъ вопросы о личной любви, личномъ развитіи и т. д. Затѣмъ – только взятыя *вмѣстѣ* эти двѣ статьи даютъ сколько - нибудь *опредѣленное* представленіе о нравственномъ ученіи гр. Л. Толстого, такъ какъ именно въ его *понятіи о жизни* основаніе и его понятій о нравственномъ и безнравственномъ, о трудѣ и собственности, обществѣ и государствѣ и т. п. Брошюра кн. Цертелева „о нравственной философіи гр. Л. Толстого“, изданная ранѣе вто-

рой статьи его и не касающаяся оригинальнаго ученія гр. Л. Толстого о жизни, именно вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, и не оставляетъ въ умѣ читателя, при всѣхъ своихъ достоинствахъ (изящное, хотя порой и слишкомъ „уклончивое“ изложеніе,—вѣрныя, а нерѣдко и очень остроумныя критическія замѣчанія) вполнѣ опредѣленнаго и вѣрнаго представленія о всемъ ученіи. Разборъ-же порознь отдѣльныхъ положеній этого ученія внѣ связи съ ихъ общимъ основаніемъ (въ ученіи о жизни) является причиною и того, что князь Д. Н. Цертелевъ нерѣдко наполовину или вполнѣ соглашается со многимъ, что въ нихъ представляется безобиднымъ и благовиднымъ только *внѣ этой связи*, и съ чѣмъ онъ конечно, имѣя въ виду эту связь, никакъ бы не согласился. Таково, наприм., у него признаніе, что графъ Л. Толстой, увлекаясь „высшими идеалами, *только смѣшиваетъ* области права и высшей нравственности, основанной на любви (l. c. 8) *). Дѣло, какъ мы увидимъ, идетъ гораздо далѣе смѣшенія,—до *полнаго отрицанія* всякаго права и совершенно *своеобразнаго* пониманія любви, ни съ высшею, ни съ какой другою нравственностью ничего общаго не имѣющаго. Поэтому мы, во избѣжаніе превратнаго толкованія нравственнаго ученія графа Л. Толстого и совершенно без-

*) Кн. Д. Н. Цертелевъ признаетъ даже, во имя этихъ „высшихъ идеаловъ“, ученіе графа Л. Толстого „благотворнымъ“ (!!) и могущимъ быть „еще болѣе благотворнымъ по освобожденіи его отъ нѣкоторыхъ постороннихъ примѣсей“ (l. c. 6—7). „Высшій-же идеалъ“ затѣмъ однако и въ изложеніи кн. Д. Н. Цертелева оказывается, что то очень ужъ *звѣроподобнымъ*; это—возведенное въ *святость*, (наприм., въ „три старика“) *прокормленіе* своей физической особи собственноручнымъ физическимъ трудомъ, не пользуясь чужимъ трудомъ—*и только*. Да и самъ кн. Цертелевъ, въ концѣ своей брошюры, справедливо замѣчаетъ, что только съ точки зрѣнія узкаго матерьялизма можно послѣдовательно провести тотъ взглядъ на науку и искусство, который пытается отстаивать въ своихъ послѣднихъ статьяхъ гр. Л. Толстой (l. c. 140).

плодной критики его съ такихъ *внѣ его* стоящихъ точекъ зрѣнія, которыя послѣднимъ принципіально отрицаются (таковы, наприм., юридическая и экономическая точки зрѣнія), и начнемъ съ изложенія ученія графа Л. Толстого о жизни, придерживаясь его довольно полной передачи у князя Д. Н. Цертелева **).

Основная мысль ученія графа Л. Толстого о жизни есть признаніе что *индивидуальная жизнь,* въ пространствѣ и времени, никогда не достигающая своего назначенія, — блага, есть *зло и нелѣпость,* обнаруживающіяся въ столь-же нелѣпой и призрачной смерти. Истинная жизнь — не въ этой временно-пространственной индивидуальности, а въ томъ, что, составляя ея внутреннее существо, не индивидуально, но едино, *обще* во всѣхъ особяхъ, вѣчно, и пребываетъ внѣ пространства и времени, т. е. *въ сознаніи, разумѣ.* Подчиненіе животнаго начала индивидуальной жизни общему, внѣ времени и пространства находящемуся — разуму, одно даетъ намъ истинное, неуничтожимое благо. Въ немъ состоитъ и истинная, непризрачная жизнь. Это свое ученіе объ истинной жизни гр. Л. Толстой основываетъ на слѣдующемъ разсужденіи:

„Человѣкъ живетъ только для своего счастія, для своего блага“, — это основное положеніе гр. Л. Толстой считаетъ несомнѣннымъ и достаточно *исчерпывающимъ* для опредѣленія *всего* смысла жизни. Какъ только человѣкъ перестаетъ искать блага, онъ не чувствуетъ своей жизни. Человѣкъ не можетъ представить себѣ жизнь, не связывая съ нею желанія собственнаго блага. Для

**) Дѣлаю это для удобства читателя, хотя не только случайно читалъ не бывшее въ обращеніи русское изданіе „о жизни“, но даже имѣлъ удовольствіе лично возражать графу Л. Толстому на первую редакцію этого ученія, прочитанную графомъ въ видѣ реферата Московскому Психологическому обществу.

каждаго человѣка слово жить значитъ то-же, что искать блага, и стремиться къ его обладанію значитъ жить. Но человѣкъ сознаетъ жизнь только *въ себѣ самомъ*, въ *своей* индивидуальности; вотъ почему онъ воображаетъ сначала, что то благо, котораго онъ хочетъ, есть его индивидуальное благо. Однако эта его мысль—жалкое заблужденіе, ибо жизненный опытъ несомнѣнно и ежедневно убѣждаетъ въ томъ, что индивидуальное, личное благо недостижимо никогда, что оно призрачно. Тогда какъ одно изъ *я*—индивидуальность—приказываетъ поэтому человѣку жить, другое *я*—его разумъ—говоритъ ему „жить невозможно“. Стремленіе индивидуальной жизни противорѣчитъ голосу общаго разума. Кто-же изъ нихъ правъ?

„То, что человѣкъ называетъ жизнью,— отвѣчаетъ гр. Л. Толстой,— его существованіе со времени рожденія, — никогда не было ею“. Когда человѣкъ вопрошаетъ себя о возникновеніи его разумнаго сознанія, онъ, какъ разумное существо, никогда не разсматриваетъ себя, какъ сына своего отца и матери, внука предковъ своихъ родителей, рожденнаго въ такомъ-то году. Оставляя въ сторонѣ всякое представленіе о какой-бы то ни было филіаціи, онъ чувствуетъ, что *отождествляется съ сознаніемъ разумныхъ существъ*, которыя совершенно чужды ему по времени и пространству, которыя жили нѣсколько тысячелѣтій ранѣе его на другомъ концѣ свѣта. Въ своемъ разумномъ сознаніи онъ не находитъ и слѣдовъ своего *индивидуальнаго* происхожденія, но чувствуетъ связь, которая соединяетъ его, внѣ времени и пространства, съ другими разумными сознаніями. Они отождествляются съ его собственнымъ, какъ еслибы онъ проникалъ въ нихъ, или они въ него. — Поэтому жизнь человѣка, *какъ индивидуума*, стремящагося только къ собственному благу, среди множества индивидуумовъ,

ему подобныхъ, разрушающихъ другъ друга и погибающихъ,—эта жизнь есть зло и безсмыслица, и истинная жизнь не можетъ быть такова

Такимъ образомъ эта индивидуальная жизнь, единственная, которую онъ сознаетъ въ себѣ, какъ цѣль всей своей дѣятельности, сводится къ чему-то обманчивому и несущественному, тогда какъ жизнь *внѣ его*,— жизнь, которую онъ не любитъ, не чувствуетъ, которая ему не извѣстна, есть единственная настоящая. Съ этою жизнью внѣ его индивидуальной жизни единитъ его вѣчный и не знающій пространственныхъ раздѣленій разумъ, сознаніе, безъ котораго для него нѣтъ и собственной индивидуальной жизни (несознаваемая жизнь — не жизнь) и который въ то-же время доказываетъ ему-же призрачность и тщету этой индивидуальной его жизни. Непризрачная сущность жизни—въ этомъ неиндивидуальномъ, внѣпространственномъ и внѣвременномъ разумѣ. Въ дѣйствительности нѣтъ иной жизни, кромѣ жизни этого сознанія. Истинная жизнь человѣческая поэтому совершается внѣ пространства и времени, внѣ индивидуальности. „Жить для себя? — спрашиваетъ гр. Л. Толстой,—но моя индивидуальная жизнь есть зло и нелѣпость. Жить для семьи, для общества, для отечества, для всего человѣчества? Но если жизнь моей индивидуальности несчастна и нелѣпа, то тоже самое и всякая другая жизнь человѣческой индивидуальности, и соединеніе безчисленнаго множества индивидуальностей, нелѣпыхъ и неразумныхъ, никогда не можетъ составить одной жизни счастливой и разумной“. Только въ подчиненіи нашей животной, индивидуальной природы закону разума для достиженія блага и состоитъ вся наша жизнь. Ни разумъ, ни степенъ подчиненности разуму не могутъ быть опредѣлены пространствомъ и временемъ. Истинная жизнь человѣческая совершается внѣ прост-

ранства и времени. Отреченіе отъ блага индивидуальной жизни есть законъ разума. Любовь, въ которой оно проявляется, есть единственная разумная дѣятельность человѣка.

И самая любовь эта, по ученію гр. Л. Толстого, возникаетъ изъ *сознанія безсмыслія* индивидуальнаго бытія. Не *изъ любви* къ отцу, сыну, женѣ, друзьямъ, людямъ добрымъ и любезнымъ,—учитъ онъ, люди отказываются отъ индивидуальности, а наоборотъ—единственно вслѣдствіе сознанія ничтожества индивидуальнаго существованія, невозможности счастія для этого существованія. Только сознавъ эту невозможность и отрекшись отъ индивидуальности, и начинаетъ человѣкъ *истинно любить* жену и друзей. *Этотъ* источникъ любви и самоотреченія очень существенно отличаетъ мораль графа Льва Толстого отъ всякой иной морали, проповѣдующей подчиненіе личнаго блага общему, самоотреченіе во имя любви. Та любовь и то отреченіе отъ личнаго блага *вслѣдствіе яснаго сознанія невозможности осуществить это благо*, которымъ учитъ гр. Л. Толстой, конечно, очень похожи на „пожертвованіе“ въ пользу какого-нибудь общаго дѣла завѣдомо *ничего нестоющей* акціи, *безнадежнаго* векселя и т. п. Невольно вспоминается здѣсь ироническое изреченіе нашихъ хохловъ: „на Тебѣ Боже что намъ не гоже“!

Въ изложенномъ ученіи о жизни—два существенныхъ положенія, съ неизбѣжной понудительностью предрѣшающихъ и весь дальнѣйшій ходъ мысли. Первое гласитъ, что единственное существенное, непризрачное въ жизни, разумъ — *безличенъ*, *внѣ времени и пространства*. Второе — что отрицаемая этимъ безличнымъ разумомъ временно-пространственная *индивидуальность*, *личность*, *есть призракъ*, *зло и нелѣпость*. Въ виду этого и самая *любовь*, „единственная разумная дѣятель-

ность“, должна быть не индивидуальною и направленною не на зло и нелѣпость, не на личность, индивидуальность (какъ наприм., отдѣльное лицо, семья, отечество), но безличною.

Истинная любовь, по ученію графа Л. Толстого, не должна *выбирать*, не должна *исключительно* привязываться къ одному лицу или группѣ лицъ ни благодарнымъ воспоминаніемъ, ни заботливою надеждой или опасеніемъ. Такая любовь людей, „непонимающихъ смысла жизни“, не есть благо, не дастъ счастія любящему, и во имя ея нерѣдко совершаются самыя страшныя преступленія. Настоящая любовь есть любовь *въ настоящемъ*, любовь *ко всякому*, кого жизнь передо мной ставитъ, *безъ предпочтенія*. Человѣку, отрекшемуся отъ блага своей индивидуальности, нѣтъ дѣла до того, есть ли другая любовь, сильнѣйшая, чѣмъ та, которая влечетъ его въ *настоящее* время. Онъ отрекается отъ самого себя и посвящаетъ свое существованіе той любви, которая доступна ему и которую онъ видитъ передъ собой. *Безличная и неисключительная* любовь — единственная *разумная*. Развивая свое ученіе объ этой оригинальной безличной любви, графъ Л. Толстой нисколько не смущается тѣмъ, что для ея дѣйствительнаго существованія необходимо ни болѣе ни—менѣе, какъ *отмѣнить* (nous allons changer tout cela?!) *одинъ изъ основныхъ законовъ душевной жизни*. Это тотъ законъ, по которому *всякое* представленіе, *чѣмъ болѣе сильнымъ чувствомъ сопровождалось его первое появленіе въ душѣ*, тѣмъ прочнѣе и глубже запечатлѣвается въ душѣ, тѣмъ ярче и легче воспроизводится ею по вовому новоду, вызывая за собою и все съ нимъ ассоціированное. По этому закону человѣкъ, котораго мы разъ въ жизни, хотя бы на короткое время, любили, черезъ это уже неизбѣжно пріобрѣтаетъ для нашей души *особую* цѣнность и значе-

ніе, *выдѣляется* изъ массы безразличныхъ для нея лицъ. Выборъ, личная и исключительная привязанность здѣсь, поэтому, *неизбѣжны*.

Неизбѣжнымъ выводомъ изъ признанія начала *индивидуальности, личности* въ принципѣ за зло и нелѣпость должно явиться *отрицательное отношеніе* ко всему, что въ строѣ нашей жизни такъ или иначе *служитъ началу личности, индивидуальности, способствуя его развитію или охраняя это развитіе, или выражая собою результатъ, проявленіе личнаго развитія*. Но таковы и личная любовь и семья, и экономія и право, и общество и государство, и наука и искусство! Все это - или условія развитія и охраны личности, индивидуальности, или ея выраженія, напряженныя, развитыя проявленія, Въ *отрицаніи* всего этого, т.-е. *всей человѣчной культуры*, и состоитъ дальнѣйшее развитіе взглядовъ гр. Л. Толстого, обзоръ которыхъ, сопровождаемый критическими замѣчаніями, представляетъ брошюра князя Цертелева подъ заглавіемъ „Нравственная философія гр. Л. Толстого“ *).

*) Матеріалъ ея—XII-й томъ сочиненій гр. Л. Н. Толстого.

III.

Вопросъ всякой нравственной философіи состоитъ въ томъ, что такое добро и какъ возможно и должно его дѣлать? Но для послѣдняго прежде всего необходимо знать, какъ жить *не дѣлая зла*. Если задача нравственнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы, облегчая людямъ ихъ страданія и увеличивая ихъ радости, находить въ такой дѣятельности и высочайшее личное нравственное удовлетвореніе и благо,—то для графа Л. Толстого несомнѣнно, что все, способствующее высокому развитію личности, индивидуальности, или являющееся его результатомъ и выраженіемъ (раздѣленіе труда, собственность, всяческое неравенство, городская жизнь, искусства и науки) *препятствуетъ* такой дѣятельности и достиженію этого нравственнаго удовлетворенія. Это явствуетъ для графа Л. Толстого какъ изъ разбора тѣхъ причинъ, которыя мѣшали ему самому дѣлать добро другимъ, такъ и изъ опредѣленія необходимыхъ, по его мнѣнію, условій личнаго счастія.

Въ первомъ отношеніи первою помѣхой для своей нравственной, добро дѣлающей дѣятельности, гр. Л. Толстой находитъ скопленіе людей въ городахъ и поглощеніе въ нихъ богатствъ деревни. Стоитъ только че-

ловѣку не желать пользоваться чужимъ трудомъ посредствомъ владѣнія землею и деньгами и потому—по силамъ *самому* удовлетворять своимъ потребностямъ, чтобы ему никогда въ голову не пришло уѣхать изъ своей деревни, въ которой легче всего можно удовлетворить своимъ потребностямъ... Вторая причина — раздѣленіе богатыхъ и бѣдныхъ, неравенство, собственность. Стоитъ только человѣку не желать имѣть землю и деньги, и человѣкъ будетъ поставленъ въ необходимость удовлетворять самъ своимъ потребностямъ собственнымъ физическимъ трудомъ. Онъ перестанетъ пользоваться чужимъ трудомъ, заѣдая чужую жизнь, и тотчасъ же невольно разрушится та стѣна, которая отдѣляетъ его отъ рабочаго народа, и онъ получитъ возможность помогать ему... Третьей помѣхой для графа является стыдъ, основанный на безнравственности обладанія тѣми деньгами, которыми онъ хотѣлъ помогать людямъ. Стоитъ человѣку не желать пользоваться чужимъ трудомъ, и у него никогда не будетъ лишнихъ денегъ. Если бы не было безнравственнаго желанія пользоваться чужимъ трудомъ, которому помогаетъ существующее раздѣленіе труда, и каждый самъ удовлетворялъ бы всѣмъ своимъ потребностямъ, памятуя самую первую и несомнѣнную человѣческую *обязанность трудиться руками въ общей борьбѣ человѣчества съ природой*, — если бы не было и выражающей пользованіе чужимъ трудомъ собственности и установляемыхъ ею и раздѣленіемъ труда всяческихъ неравенствъ и общественныхъ дѣленій, и каждый помнилъ бы, что „единственная его дѣйствительная собственность есть *онъ самъ*“,—то не существовало бы и тѣхъ помѣхъ общенію съ людьми и дѣланію имъ добра, которыя гр. Л. Толстымъ указаны. Не останавливаясь на критикѣ понятій гр. Л. Толстого о собственности и раздѣленіи труда (очень остроумную кри-

тику читатель найдетъ въ брошюрѣ кн. Д. Н. Цертелева, шагъ за шагомъ слѣдящаго за аргументаціей графа Л. Толстого), мы здѣсь желаемъ только указать на внутреннюю связь ихъ между собою и съ основнымъ понятіемъ гр. Л. Толстого „о жизни".

Обращаясь къ опредѣленію условій личнаго счастія и блага, гр. Л. Толстой насчитываетъ ихъ пять. Первое — „есть жизнь такая, при которой не нарушена связь человѣка съ природой (т.-е. въ деревнѣ, общеніе съ землей, растеніями, животными. Другое условіе счастія есть трудъ: во-первыхъ, любимый и свободный трудъ; во-вторыхъ, непремѣнно трудъ *физическій*, дающій аппетитъ и крѣпкій, успокоивающій сонъ. Третье несомнѣнное условіе счастія, которому однако строй современной культуры ставитъ неодолимыя преграды, есть семья. Четвертое условіе счастія есть свободное любовное общеніе со всѣми разнообразными людьми міра,—общеніе, которому современный культурный строй, съ его раздѣленіемъ труда, экономическими, умственными и политическими неравенствами и общественными перегородками всякаго рода, опять на всякомъ шагу препятствуетъ. Наконецъ, пятое условіе счастія есть здоровье и безболѣзненная смерть.

Всѣмъ этимъ условіямъ равно не отвѣчаетъ строй современной культурной жизни вообще и жизни городской въ особенности, доводящій раздѣленіе труда, неравенство, развитіе индивидуальностей до крайнихъ предѣловъ. И всѣ они сводятся въ сущности къ двумъ: жизни въ деревнѣ и труду,—притомъ непремѣнно труду физическому,—при которыхъ каждый, удовлетворяя самъ своимъ потребностямъ, не пользуется чужимъ трудомъ, и безнравственное орудіе такого пользованія—собственность—становится лишнею. Физическій трудъ, поэтому, возводится графомъ Л. Толстымъ въ первую,

несомнѣнную *нравственную обязанность* человѣка, выполненіе которой требуется не какъ средство только для достиженія какихъ-либо цѣлей (наприм., необходимыхъ средствъ жизни для семьи), а само по себѣ, *какъ цѣль*. Тотъ, кто физически не трудится,—паразитъ, заѣдающій чужую жизнь и не выполняющій первой человѣческой обязанности.

Въ какомъ-бы положеніи ни находился человѣкъ (будь онъ правитель или судья, воинъ или учитель) обязанность физическаго труда для удовлетворенія своихъ потребностей есть *первая* изъ обязанностей уже потому, что людямъ нужнѣе всего ихъ жизнь. Поэтому для того, чтобы защищать и научать людей и дѣлать ихъ жизнь болѣе пріятною, надо сохранить самую жизнь, а между тѣмъ мое неучастіе въ борьбѣ съ природой, поглощеніе чужихъ трудовъ, есть уничтоженіе чужихъ жизней, зло и развратъ. „Что дѣлать? спрашивалъ я", говоритъ гр. Л. Толстой, „до тѣхъ поръ пока, подъ вліяніемъ высокаго мнѣнія о своемъ призваніи, не видѣлъ того, что первое и несомнѣнное мое дѣло было то, чтобы кормиться, одѣваться, отопляться, обстраиваться, и въ этомъ же помогать другимъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, въ этомъ самомъ состояла и состоитъ первая и несомнѣнная обязанность каждаго человѣка". Я долженъ трудиться руками для того, чтобы ѣсть свой, а не чужой хлѣбъ, и долженъ ѣсть для того, чтобы трудиться. Въ этомъ—задача и смыслъ жизни. „Нужно усвоить себѣ", учитъ гр. Л. Толстой „тотъ простой и правдивый взглядъ, съ которымъ выростаетъ рабочій человѣкъ, что человѣкъ прежде всего *есть машина, которая заряжается ѣдой, чтобы кормиться* и что потому стыдно, тяжело, нельзя ѣсть и не работать (физически), что ѣсть и не работать—это самое безбожное, противоестественное и потому опасное

положеніе, въ родѣ содомскаго грѣха". Но такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ князь Д. Н. Цертелевъ, „если сущность и цѣль человѣческой жизни состоитъ только въ томъ, чтобы работать и питаться продуктами этой работы, то несомнѣнно оказывается, что человѣкъ *есть только то, что онъ ѣстъ*" (1. с. 109). За то, при такомъ опредѣленіи цѣли жизни, развитіе личности, индивидуальности доведено, какъ и всякое вытекающее изъ него неравенство, *до минимума*,—собственности и раздѣленія труда нѣтъ, а потому нѣтъ и разобщенія между людьми и развращающей роскоши городской жизни, не нужны и университеты и весь сложный аппаратъ права и государства!.. Ставшему звѣроподобнымъ человѣку (въ родѣ, наприм., „трехъ стариковъ") не достаетъ только, для полнаго „совершенства", забыть человѣческую рѣчь и обрости шерстью!!

Понятно, что въ жизни, смыслъ и задача которой опредѣлены такъ, чтобы свести на минимумъ развитіе индивидуальности, *личности* и по возможности приблизить человѣка къ *родовому* существованію безличнаго и только физически живущаго животнаго,—наука и искусство, требующія для выполненія своихъ задачъ именно крайняго напряженія всѣхъ духовныхъ силъ особенно высоко и индивидуально развитой личности, должны играть самую жалкую роль. И гр. Л. Толстой, вовсе не признаетъ *самостоятельнаго* значенія задачъ науки и искусства. Онъ допускаетъ послѣднія лишь изъ утилитарныхъ соображеній, поскольку они могутъ служить не развитію личности человѣка, а его счастію, благополучію.— Наука, говоритъ онъ, должна служить людямъ, ихъ благу. Въ чемъ-бы ни полагали люди свое назначеніе и благо, наука будетъ ученіемъ объ этомъ назначеніи и благѣ. Всѣ знанія, пріобрѣтаемыя бѣднымъ, служатъ ему только для улучшенія личной жизни.

Всѣ знанія, пріобрѣтаемыя богатымъ въ наукахъ и искусствахъ, несмотря на всѣ громкія слова о важности наукъ и искусствъ, нужны ему только для того, чтобы побѣждать скуку и пріятно проводить время. Такимъ образомъ идея *истины*, какъ чего-то цѣннаго само по себѣ и составляющаго задачу человѣческаго духа независимо отъ той *пользы*, какую изъ нея можно извлечь, совершенно отрицается гр. Л. Толстымъ. Отрицаетъ онъ и самостоятельное значеніе умственнаго труда. „Наука и искусство,—говоритъ онъ, — „выговорили себѣ право праздности и пользованія чужими трудами и измѣнили своему признанію. И заблужденія ихъ произошли только потому, что служители ихъ, выставивъ ложно-понятый принципъ раздѣленія труда, признали за собою право пользованія трудами другихъ и потеряли смыслъ своего призванія, сдѣлавъ себѣ цѣлью не пользу народа, а таинственную пользу науки и искусства, и предались праздности и разврату, не столько чувственному, сколько умственному". „Отчегобы,—спрашиваетъ, людямъ искусства не служить народу? Вѣдь въ каждой избѣ есть образа, картины, каждый мужикъ, каждая баба поютъ; у многихъ есть гармоніи и всѣ разсказываютъ исторіи, стихи, и читаютъ многіе!" Отсюда онъ и выводитъ совѣты: живописцу, чтобы онъ рисовалъ пятикопѣечныя картинки, музыканту, чтобы онъ игралъ на гармоніи и училъ бабъ пѣть пѣсни, поэту-сочинителю, чтобы онъ бросилъ свои поэмы и романы и сочинялъ пѣсенники, исторіи, сказки, понятныя безграмотнымъ людямъ *).

Но „они скажутъ, что я сумасшедшій!" — кончаетъ эти совѣты гр. Л. Толстой.

---

*) Мысль, та-же, какъ и въ заключеніи книги Прудона „объ искусствѣ", но выраженіе ея и практическій выводъ гораздо оригинальнѣе.

Конечно совѣты эти звучатъ сразу очень дико, но они совершенно послѣдовательно вытекаютъ изъ однажды принятой исходной точки; дикость не въ нихъ, а во *всемъ* ученіи. Если дѣйствительно развитая индивидуальность, личность есть *зло* и *нелѣпостъ*, то зло и нелѣпость есть и все, что ея развитію служитъ и его выражаетъ: и раздѣленіе труда и собственность, и право, судъ и государство **), и наука и искусство,— словомъ *вся* наша „цивилизація“. Дальше мы увидимъ, что ложью, зломъ и нелѣпостью *должно* оказаться, съ этой точки зрѣнія и еще многое другое, стоящее повидимому выше и внѣ всякой цивилизаціи съ ея возможнымъ несовершенствомъ. И идея истины, и идея красоты, и личная любовь и, какъ увидимъ дальше, личный Богъ и общеніе съ Нимъ,—все это, какъ призракъ и ложь, изгоняется изъ человѣческой души; оставляется въ ней превознесеннымъ одинъ звѣроподобный *идеалъ физической особи, работающей для своего прокормленія*. Невольно напрашивается на перо безпощадно-жестокое слово!...

Поэтому едва-ли можно признать отвѣчающими характеру и значенію изложеннаго ученія слова, которыми кн. Д. Н. Цертелевъ заключаетъ свое изложеніе его: „Если мы захотимъ въ нѣсколькихъ словахъ выразить сущность нравственнаго ученія графа Толстого, мы увидимъ, что оно сводится къ требованію жить какъ можно проще, какъ можно ближе къ природѣ; при этомъ предполагается, конечно, что по природѣ своей человѣкъ склоненъ къ добру и что внѣшнія усло-

---

**) Отсюда „заповѣди“: не воюй, не судись, не клянись, и главная — не противься злу (не противиться, значитъ, своею мыслью и рѣчью—и лжи и заблужденію? мысли такъ, какъ еслибы не было различія между истиною и ложью, ибо иначе ты *будешь* противиться злу—лжи?)

вія (государственныя и общественныя правила, законы, учрежденія) не улучшаютъ, а искажаютъ природу (l. c. 124). Нѣтъ; сущность ученія и глубже и рѣзче и несравненно сильнѣе буколическихъ мечтаній „безобиднаго любителя природы“ или здравыхъ совѣтовъ гигіениста-филантропа!

Въ концѣ своей брошюры кн. Д. Н. Цертелевъ проводитъ легко возникающую въ мысли читателя XII тома „сочиненій“ графа параллель между ученіемъ гр. Л. Н. Толстого и ученіемъ другого апостола „естественной“, простой жизни, другого противника собственности, всякаго неравенства и развращающей міръ своею *ложью* цивилизаціи, также какъ и гр. Толстой признающаго за наукою и искусствомъ лишь утилитарное значеніе и т. п.—Ж. Ж. Руссо. Дѣйствительно между обоими ученіями на первый взглядъ очень много сходныхъ общихъ чертъ. Но не менѣе легко было бы провести параллель и между ученіемъ гр. Толстого и другого, новѣйшаго апостола равенства, отрицателя „идеала“ въ наукѣ и и искусствѣ и врага современнаго строя жизни,—Прудона. И въ первой и во второй параллели можно указать равно много сходныхъ по внѣшности чертъ французскихъ ученій съ ученіемъ графа Льва Толстого. Но существуетъ между ними одно *очень существенное* различіе, дающее возможность не сопоставить, а скорѣе взаимно противоположитъ эти ученія. Тогда какъ Ж.-Ж. Руссо со своею теоріей „естественнаго человѣка“ и „общественнаго договора“, а Прудонъ съ своимъ ученіемъ о „равенствѣ“, какъ„ справедливости“, и со своей войною противъ „идеаловъ“ цивилизаціи (и прежде всего guerre à Dieu!)*)—исходили (правильно ли или непра-

*) Для незнакомаго съ подлинными произведеніями Прудона читателя замѣтимъ здѣсь, что хотя у Прудона и не проводится систе-

вильно аргументируя — все равно) изъ идеи *о правахъ индивидуальности, личности* и *ея* благѣ — графъ Л. Толстой исходитъ, наоборотъ, изъ принципіальнаго признанія индивидуальной, личной жизни за коренное *зло, ложь и нелѣпость*.

Это его начало приводитъ его логически-неизбѣжно и еще къ нѣсколькимъ, очень существеннымъ въ области нравственной философіи, отрицаніямъ.

матически *отрицаніе* личнаго Бога, а порой сквозитъ даже и готовность теоретически *признать* Его, — но вездѣ сказывается какая-то по истинѣ комичная *личная вражда* его, Прудона, къ Господу Богу. Если онъ совершенно серіозно и искренно объявлетъ „guerre à Dieu!“, то потому, что власть и авторитетъ Бога *слишкомъ велики* для того, чтобы быть совмѣстимы съ тѣмъ *равенствомъ*, къ какому сводится высшій для Прудона законъ жизни — *справедливость*, которой враждебны всякій *идеалъ* и, всего болѣе, совокупность всѣхъ идеаловъ — Богъ.

IV.

То, что по существу своему есть зло, призракъ и нелѣпость, конечно, не можетъ и не должно быть ни предметомъ поклоненія, ни предмотомъ любви: и то и другое могутъ относиться только къ *безличному общеразумному*. Отсюда вытекаетъ рядъ положеній, довершающихъ характеристику вѣрнаго себѣ во всѣхъ подробностяхъ ученія графа Л. Н. Толстого, какъ послѣдовательнаго отрицанія и устраненія изъ разумной жизни личнаго начала и всего съ нимъ связаннаго*). Особенно важное значеніе имѣетъ, по своимъ послѣдствіямъ, отрицаніе графомъ Л. Толстымъ начала личности въ религіи и половой любви. Послѣднему посвящена и послѣдняя „Бесѣда о христіанскомъ супружествѣ“ высокопреосвященнаго Никанора, ранѣе, въ другихъ бесѣдахъ, разбиравшаго религіозныя и нравственно политическія воззрѣнія графа Толстого. Въ началѣ своей послѣдней бесѣды высокопреосвященный Никаноръ вкратцѣ напоминаетъ характеристику

*) Какъ и все ученіе Прудона есть послѣдовательное элиминированіе изъ жизни всякаго идеала и—прежде всего — retrogradation de Dieu.

этихъ воззрѣній, высказанную въ тѣхъ прежнихъ „бесѣдахъ“ его. Воспользуемся нѣсколькими выдержками изъ этого резюме.

„По религіи графа, — напоминаетъ высокопреосвященный, — ожидать новой, лучшей жизни, той жизни, въ которой будетъ доступно человѣку ближайшее общеніе съ Богомъ, блаженство личности, рай, мы не должны. Іисусъ будто не только никогда ничего не говорилъ въ подтвержденіе личнаго безсмертія, но, напротивъ, даже отрицалъ его. Іисусъ также будто бы никогда и ничего не говорилъ и о своемъ личномъ безсмертіи. Безсмертіе состоитъ единственно и исключительно въ неумирающей жизни человѣческаго *рода*, въ жизни Сына человѣческаго...*). Жизнь *всѣхъ людей* единственная достопоклоняемая святыня... истинная жизнь есть жизнь *настоящаго*, присущая *всѣмъ* людямъ... Богъ Отецъ — это *безличное* начало и основа всей жизни. Богъ есть разумѣніе жизни. Сынъ Божій, Сынъ человѣческій — это безпрерывное продолженіе человѣческаго рода“ (I. с. 1 — 3). Іисусъ же — только казненный и умершій Учитель.

Въ подобномъ религіозномъ ученіи, замѣняющемъ личнаго Бога безличнымъ „*разумѣніемъ* жизни“, а Сына Божія — непрерывнымъ продолженіемъ человѣческаго *рода*, конечно, не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ мистическомъ *общеніи* человѣческой личности съ безличнымъ Богомъ въ молитвѣ, таинствѣ и обрядѣ. И молитва, и таинство, и обрядъ изъ подобнаго религіознаго воззрѣнія естественно сами собою устраняются. Един-

*) Говорить о какомъ бы то ни было ученіи графа Л. Толстого, о личномъ безсмертіи можно только по крайнему недоразумѣнію. Это безсмертіе онъ рѣшительно отрицаетъ, признавая, что вся жизнь отдѣльнаго человѣка — въ настоящемъ и съ нимъ кончается; не умираетъ же, безсмертна — только *идея*, двигавшая его жизнью и дѣлами.

ственное общеніе съ безличнымъ Богомъ, какъ общимъ началомъ общей, родовой жизни и „разумѣніемъ жизни“, для человѣка здѣсь возможно только въ формѣ подчиненія своей животной индивидуальности закону разума, т. е. въ формѣ *общенія со своимъ родомъ*, жизни не ради неосуществимаго индивидуальнаго блага, а благомъ рода и во имя его. Поэтому живущій въ настоящемъ общею жизнью всѣхъ людей, жизнью „Сына человѣческаго“, тѣмъ самымъ соединяется съ Богомъ, какъ Отцомъ, безличнымъ началомъ и основой всей жизни. Какими путями и въ какихъ условіяхъ осуществляется это единеніе съ безличнымъ Богомъ, какъ жизнь по закону разума, т. е. жизнь въ родѣ и для рода, — это мы видѣли выше, говоря о нравственномъ ученіи графа Л. Н. Толстого (непользованіе чужимъ трудомъ, собственный физическій трудъ на удовлетвореніе своихъ потребностей и помощь въ томъ же другимъ и т. п.) *Только* эти нравственныя предписанія „разумѣнія жизни“ и составляютъ очевидно существенное содержаніе этой религіи, изъ которой исключено не только все обрядовое, но и все мистическое, таинственное, и даже, по возможности, все метафизическое. Это — религія чисто-практическая, утилитарная, безъ откровеннаго содержанія, религія разсудочнаго „здраваго смысла“, въ родѣ, наприм., бѣдной религіи Конфуція, — болѣе бѣдной, чѣмъ даже религія самаго дикаго изъ полинезійскихъ дикарей, для духовнаго обихода котораго все же есть что-нибудь кромѣ сѣренькаго „здраваго смысла“ и физической пользы!

Каковъ вытекающій изъ принципіальнаго отрицанія личнаго начала взглядъ графа Толстого на современное общество и государство, это мы уже видѣли: отрицаніе всякой общественной и частной защиты лица, его собственности и правъ (слѣдовательно и отрицаніе функцій

суда и власти), отрицаніе всякаго рода общественныхъ и политическихъ неравенствъ и разграниченій, какъ національныхъ, такъ и имущественныхъ, вытекающихъ изъ раздѣленія труда и т. п., и т. п. Все это, какъ вытекающее изъ источника, признанаго за зло, призракъ и нелѣпость, и его ложнымъ цѣлямъ служащее (т.-е. вся наша культура) само въ этомъ воззрѣніи должно послѣдовательно быть признаваемо за зло, и ложь, поддерживающіяся только благодаря насилію, предразсудку, безсмысленному воспитанію и т. д. Но оказывается, что такое-же достоинство должно, наконецъ, признать и за общечеловѣческимъ чувствомъ *половой любви*, какъ напряженнѣйшимъ проявленіемъ личной, индивидуальной жизни, безъ конца поддерживающимъ ложь и нелѣпость послѣдней. И это чувство должно быть признано за зло и нелѣпость, за продуктъ разврата, предразсудка и ложнаго воспитанія. Разбору произведенія графа Л. Н. Толстого, разоблачающаго мнимую внутреннюю ложь половой любви („Крейцерова соната“) и посвящена послѣдняя „бесѣда“ высокопреосвященнаго Никанора.

Мы не будемъ излагать содержанія „Крейцеровой сонаты“,—произведенія, ставшаго гораздо известнѣе русской публикѣ въ ревностно распространяемыхъ литографированныхъ и контрабандныхъ изданіяхъ, чѣмъ могло-бы оно сдѣлаться въ изданіи обыкновенномъ, не разжигающемъ, какъ „запретный плодъ“ особаго любопытства. Не имѣемъ мы въ виду и критики его. И то и другое читатель найдетъ не только въ формѣ краткаго очерка (какъ наприм., въ очень живыхъ и мѣткихъ статьяхъ Ю. Николаева), но и особенно въ очень обстоятельной, искренней и безпощадно-строгой брошюрѣ высокопреосвященнаго Никанора. Мы намѣрены представить здѣсь только сущность взгляда графа Л. Тол-

стого на чувство половой любви, по возможности освободивъ его отъ тѣхъ болѣзненно-грубыхъ, порой до мучительнаго циничныхъ формъ и образовъ, въ которыхъ этотъ взглядъ въ „Крейцеровой сонатѣ“ высказанъ.

Половая любовь, это чувство, искони дѣлавшее испытывающихъ его людей и мягче и чутче сердцемъ и лучше и даже красивѣе, искони возбуждавшее въ нихъ невѣдомыя ранѣе силы и стремленія, скрашивавшее и самую сѣренькую, будничную жизнь всѣхъ безъ изъятія — и царей и рабовъ, и любимцевъ судьбы и обдѣленныхъ ею, вдохновлявшее самыя обыденныя натуры на высокіе геройскіе подвиги и породившее самыя прекрасныя произведенія въ поэзіи, музыкѣ и другихъ искусствахъ, возвышающихъ душу и обогащающихъ ея жизнь, — есть по ученію гр. Л. Толстого *зло и мерзость*. Оно и рождается изъ зла и рождаетъ одно зло.

Любовь есть предпочтеніе одного лица другому, но *для чего* предпочтеніе и *надолго-ли*? Напрасно думаютъ видѣть въ этомъ предпочтеніи нѣчто идеальное, возвышенное и возвышающее душу и такимъ рисуютъ его намъ, скрывая намѣренно грустную дѣйствительность. Ничего духовнаго и возвышеннаго въ ней нѣтъ, по ученію графа, а есть лишь чистое-плотское, животное, мерзкое и даже — увы! — свиное — простая животная похоть. Одно лицо въ этомъ чувствѣ предпочитаетъ другое лицо, какъ орудіе своего эгоистическаго наслажденія *).

---

*) Графъ Л. Толстой забываетъ, что о *чисто эгоистическомъ* (какъ напр., въ ѣдѣ или питьѣ) наслажденіи здѣсь не можетъ быть рѣчи уже потому, что здѣсь всякое впечатлѣніе одного лица сопровождается *отвѣтнымъ* впечатлѣніемъ другаго. Происходитъ *общеніе* впечатлѣній, общія измѣненія въ двухъ особяхъ не только физическія, но и психическія, духовныя. Это одно уже придаетъ отношеніямъ половой любви характеръ не чисто эгоистическій и физическій, но и идеальный, психическій, обогащая душу каждаго *новымъ* содержаніемъ изъ другой души, *зарождая* чувства взаимной благодарности, за-

За обращеніемъ двумя лицами другъ друга въ орудіе эгоистическаго, скотскаго наслажденія, за обладаніемъ, слѣдуетъ охлажденіе и холодная взаимная ненависть, какъ между соучастниками въ преступленіи осквернения человѣческаго существа,—ненависть и за подстрекательство и за участіе въ преступленіи. Эта ненависть, по ученію графа, нормальное отношеніе между двумя лицами, находящимися въ союзѣ половой любви, наступающее какъ только чувственность удовлетворена и пропорціонально по силѣ порыву чувственности. Періодъ любви—періодъ злобы; длинный періодъ любви—длинный періодъ злобы; болѣе слабое проявленіе любви—болѣе слабое проявленіе злобы. Эти любовь и злоба—тоже самое животное чувство, только съ разныхъ концевъ. Вѣчной и даже продолжительной половой любви нѣтъ и не можетъ быть; этому всегда помѣхою будетъ пресыщеніе, а съ нимъ и холодная взаимная *ненависть*. Вмѣстѣ съ этою ненавистью соучастники въ преступленіи, осквернении человѣческаго существа естественно проникаются взаимнымъ недовѣріемъ и презрѣніемъ, и ихъ жизнь отравляется новымъ ядомъ *ревности*. Наконецъ и *дѣти*, рождающіяся отъ союза половой любви, не только не единятъ родителей и не скрашиваютъ ихъ жизнь, а становятся новымъ источникомъ разъединенія, заботъ, тревогъ, опасеній и страданій.

Такимъ образомъ въ жизни, основанной на предпочтеніи одного лица другому въ половой любви, создается

ботливости, нѣжности, давая одной душѣ глубоко *запянуть* въ другую и дѣлая изъ этихъ отношеній *почву*, на которой развиваются *всякія вообще общественныя чувства*. Поэтому неоспоримо правъ высокопреосвященный Никаноръ, утверждая даже о любви естественной (независимо отъ освященія бракомъ), что въ человѣкѣ плотская любовь никогда не можетъ быть чисто-животнымъ чувствомъ, безъ всякой примѣси естественнаго духовнаго влеченія (1. с. 39). Такою, прибавимъ, она можетъ быть только въ *чистомъ скотѣ*, вовсе не живущемъ психическою жизнью.

понемногу настоящій адъ, въ которомъ оставаться возможно, лишь подло обманывая другъ друга, а выходъ изъ котораго—убійство и самоубійство. Иного и нельзя было ожидать отъ союза, у котораго такой грязный источникъ, какъ половая любовь. Мужчины всѣ и все врутъ о высокихъ чувствахъ, а имъ нужно только тѣло жены, женщина-же и по воспитанію и по строю жизни своей думаетъ только, какъ-бы плѣнить мужчину, овладѣть самцомъ. *) И взаимное владѣніе это только временное, рѣдко на годы, чаще на недѣли, мѣсяцы и дни. Всякій мужчина испытываетъ то, что называется любовью, ко всякой красивой женщинѣ и менѣе всего къ своей женѣ. Ничего нѣтъ въ этой любви идеальнаго и возвышеннаго, а просто животная похоть, разжигаемая праздной жизнью, сытной пищей (sic!) и развращающимъ воспитаніемъ, и рождающая между тѣми, кто ей поддаются, ненависть и ревность. Этой похоти въ утонченномъ видѣ служатъ и разжигаютъ ее искусства, и поэзія и музыка, облагороживая, идеализируя то, что само по себѣ только мерзко,—и не *возвышая* душу, какъ думаютъ, а только страшно *раздражая* ее **). Сойдясь по влеченію животной похоти, безъ всякихъ духовныхъ и возвышенныхъ задачъ, супруги не только не думаютъ о взаимной духовной жизни, но не берегутъ и физической. Ихъ союзъ, рож-

---

*) И это говоритъ писатель, создавшій образы Наташи и Китти!

**) Благотворное дѣйствіе искусствъ гр. Л. Толстой отрицаетъ здѣсь на томъ основаніи, что они вызываютъ страшную энергію чувства, не соотвѣтствующую условіямъ времени и мѣста. Особенно возмущается онъ въ этомъ отношеніи противъ музыки, возбуждающей чувство безъ всякаго *опредѣленнаго намека* даже на обстоятельства его проявленія Здѣсь его возмущаетъ то самое свойство музыки, во имя котораго, Шопенгауэръ, наприм., такъ высоко ее ставитъ, а Мантегацца признаетъ за самое *общечеловѣческое* изъ искусствъ, удачно называя ее „una lingua ché si non e da tutti parlata, e almeno balbettiata“.

дающій раздоры, обманъ, ненависть, ревность и насиліе, есть союзъ убійства и самоубійства ради грубаго разврата половой чувственности. Бракъ такимъ образомъ, какъ условіе обладанія извѣстной женщиной, есть разрѣшеніе на развратъ. Бракъ, какъ и половая любовь, изъ которой онъ возникаетъ, есть для гр. Л. Толстого скверна, убійство и самоубійство; не слѣдуетъ ни жениться, ни любить, ибо половая любовь всегда паденіе. Идеалъ — въ полномъ цѣломудріи и дѣвствѣ. „Любовь, семья, бракъ—все ложь, ложь и ложь!“ резюмируетъ свой взглядъ на вопросъ звѣрски-безумный герой графа Л. Толстого, Познышевъ.

Но что-же станется безъ этой „лжи и мерзости“, безъ половой любви, семьи и брака,—съ продолженіемъ человѣческаго рода? Откуда-же дѣти?

А зачѣмъ-же нужно продолженіе человѣческаго рода? для чего дѣти?—отвѣчаетъ на послѣдній вопросъ графъ Л. Н. Толстой. Отвѣтъ ужасенъ, но послѣдователенъ. Если дѣйствительно индивидуальная жизнь есть зло, призракъ и нелѣпость, то увѣковѣченіе этого зла, призрака и нелѣпости безконечнымъ произрожденіемъ новыхъ индивидуальныхъ жизней не только не желательно, но и ничѣмъ не можетъ быть оправдано, кромѣ прискорбной слабости нашей природы, не достигшей еще до совершенства. Когда совершенство достигнется, исчезнетъ слабость и не будетъ „паденія“, то сами собою воцарятся цѣломудріе, дѣвственность, дѣти не будутъ рождаться и индивидуальная жизнь человѣка прекратится. Это уничтоженіе индивидуальной жизни съ прекращеніемъ человѣческаго рода и представляется графу Л. Н. Толстому *конечнымъ исполненіемъ закона жизни*. Разсужденіе его таково; цѣль какъ человѣчества, такъ и человѣка благо. Къ достиженію блага ведетъ законъ *единенія*, осуществленію котораго мѣшаютъ страсти

индивидуальной жизни. Когда уничтожится самая сильная изъ этихъ страстей, половая, плотская любовь, исчезнетъ и главная помѣха осуществленію закона единенія. Законъ будетъ выполненъ и человѣчеству *не зачѣмъ* уже будетъ жить. „А пока не выполнится?“ спрашиваетъ высокопреосвященный Никаноръ. „Ну, вотъ и данъ спасительный клапанъ. Признакъ неисполненнаго закона есть присутствіе плотской любви. А какъ только есть плотская любовь, такъ вслѣдствіе именно ея и является новое поколѣніе, въ которомъ можетъ осуществиться законъ. Не осуществимо и то, — опять слѣдующее, до тѣхъ поръ, пока осуществится все. *Когда же осуществится, тогда вслѣдствіе этого самаго осуществленія самъ собою уничтожается и родъ человѣческій.* (l. c. 18—19).

Таковъ послѣдовательный заключительный выводъ всего міровоззрѣнія Толстого, чрезвычайно цѣльнаго, стройнаго и законченнаго въ цѣломъ. Возможною остается только разработка подробностей, исправленіе частныхъ недостатковъ въ аргументаціи и доказательствѣ; но нельзя уже ничего существеннаго прибавить ни къ первому обоснованію цѣлаго зданія (въ ученіи о жизни), ни къ послѣднему, крайнему выводу. Дальше этого вывода идти уже некуда, дальше *развивать* систему нельзя. И выводъ этотъ выполненіе закона жизни черезъ уничтоженіе жизни,—зла и нелѣпости индивидуальнаго бытія,— очевидно, есть только иное, развитое выраженіе перваго, *исходнаго* понятія объ индивидуальномъ бытіи въ пространствѣ и времени, какъ о злѣ, призракѣ и нелѣпости, а о безличномъ общемъ разумѣ внѣ пространства и времени, какъ о едино-существенномъ, непризрачномъ. Все умственное построеніе совершенно цѣльно и строго закончено, существенныя части его съ внутреннею *необходимостью* между собою связаны. Благодаря этой

своей цѣльности, оно можетъ быть только или *все цѣликомъ* ложно, или все цѣликомъ истинно; о какой-либо частичной истинности и благотворности того или другаго отдѣла его не можетъ быть рѣчи. Можно глубоко возмущаться цѣлымъ, приходитъ въ ужасъ и негодованіе передъ тою или другою особенно рѣзко отвергающею наши вѣрованія, стремленія и убѣжденія частью его *), но *безплодно бороться противъ той или другой части цѣлаго, оставляя непронутымъ самое основаніе* цѣлаго,—такъ тѣсно и необходимо всѣ эти части связаны. Въ этомъ основаніи—все и дѣло!

---

*) Рѣзкость формы въ этихъ вопросахъ у графа Л. Толстого часто настолько безъ нужды и намѣренно преувеличена, что невольно получается впечатлѣніе какой-то юношески необузданной и совсѣмъ ужъ нейдущей къ зрѣлому „мыслителю“ и учителю *бравады*, какъ-бы испытывающей мѣру терпѣнія читателя.

V.

Было-бы ошибочно думать, что это цѣльное и законченное міровоззрѣніе графа Л. Толстого, изложенное нами въ его существенныхъ чертахъ, есть продуктъ развитія его мысли только за послѣдніе прискорбные годы (годы, такъ сказать, *проповѣдничества*) и неимѣющее ничего общаго съ предшествующимъ періодомъ его непомраченнаго *художественнаго* творчества. Основною мыслью всего міровоззрѣнія, мыслію о нелѣпости и призрачности стремленій индивидуальнаго бытія, глубоко проникнуты и всѣ его чистохудожественныя произведенія, что давно уже замѣчено всѣми критиками ихъ. „Всѣ произведенія гр. Л. Толстого—замѣчаетъ Ѳ. Головинъ въ превосходной статьѣ своей „Старый вопросъ на новый ладъ“ („Русск. Обозр“., 1890 г., іюль),—отъ *Дѣтства и Отрочества до Анны Карениной* включительно, проникнуты одной руководящей идеей—сознаніемъ безсилія единичной человѣческой воли и человѣческаго ума и необходимости смиреннаго подчиненія безсознательной власти судьбы *). Превосходство терпѣливаго самоуничи-

*) Это совсѣмъ не то, что свободное и любовное, христіански-смиренное подчиненіе волѣ личнаго Бога,—волѣ, имѣющей въ виду наше благо, спасеніе.

женія предъ надменнымъ и призрачнымъ стремленіемъ руководить другими людьми и собственною жизнью— вотъ основная тема всей литературной дѣятельности Толстого, главная черта въ его міросозерцаніи (1, с. 328).

Этою чертою опредѣляется и *субъективное отношеніе* гр. Л. Толстого къ изображаемымъ имъ лицамъ, насколько такое отношеніе могло выразиться въ произведеніяхъ этого геніальнаго, особенно по своей *объективности*, художника. Его очевидные любимцы—люди безъ рѣзко выраженнаго индивидуальнаго характера; это или люди, живущіе мыслью и стремленіями *массъ*, родовыми (напр., Каратаевъ), или люди, не умѣющіе ни мыслить, ни хотѣть опредѣленно, вѣчно колеблющіеся по вѣтру, безтолково впотьмахъ ищущіе, безхарактерные и ничтожные (напр., Безуховъ или Левинъ). Наоборотъ, къ людямъ съ рѣзко обозначеннымъ и сильнымъ личнымъ характеромъ авторъ нашъ относится, несмотря на свою художественность, порой очевидно пристрастно-несправедливо (Наполеонъ, Болконскій). Въ другихъ случаяхъ онъ старается съ явною натяжкою изобразить своихъ любимцевъ живущими исключительно мыслію и чувствомъ безличной массы, рода, лишая ихъ всякой личной иниціативы (напр., Кутузовъ). Этой-же преобладающей мыслью автора опредѣляется и *особенный характеръ* его объективнаго творчества. Въ противоположность Ѳ. М. Достоевскому, у котораго всякое, даже ничтожнѣйшее дѣйствующее лицо, есть рѣзко-опредѣленная, живущая *своей* богатой внутренней жизнью, личность, графу Л. Толстому особенно удается изображеніе именно лицъ малохарактерныхъ, живущихъ жизнью своей *среды,* болѣе или менѣе стихійныхъ (во всѣхъ его лучшихъ вещахъ, наприм., Казаки, Севастопольскіе разсказы, Два гусара и др.). По этой-же причинѣ онъ рѣзко отличается отъ

громаднаго большинства художниковъ-писателей, у которыхъ изображеніе рѣзкихъ мужскихъ характеровъ обыкновенно выходитъ несравненно удачнѣе, ярче и живѣе, чѣмъ изображеніе женскихъ. Гр. Л. Толстому, наоборотъ, несравненно болѣе удается изображеніе характера женскаго, менѣе рѣзкаго, болѣе родового, живущаго въ гармоніи съ окружающими людьми и средой живущаго *ихъ* жизнью. Образы всѣхъ этихъ Безуховыхъ, Вронскихъ, Левиныхъ и т.д., конечно, несравненно блѣднѣе, ниже по художественной глубинѣ и силѣ, чѣмъ неподражаемо прелестные и теплые, живые образы Наташи Китти, Анны, даже—второстепенной по ея мѣсту сестры Болконскаго.

Всѣ эти особенности чисто-художественнаго творчества графа Л. Толстого очевидно тѣсно связаны съ основною мыслію его міровоззрѣнія, мыслію о ничтожествѣ и призрачности стремленій индивидуальной, личной жизни. Высказанная въ первыхъ художественныхъ произведеніяхъ ненамѣренно,—выборомъ сюжетовъ, степенью удачности въ ихъ выполненіи, слѣдами личнаго отношенія автора къ героямъ, эта мысль высказывается — въ заключительной, отвлеченно-разсуждающей части „Война и міръ“—уже вполнѣ сознательно и съ попыткою ея философскаго оправданія. Попытка эта, сдѣланная вначалѣ на *чужой* почвѣ, на почвѣ готовыхъ ученій матеріализма, детерминизма и всѣхъ забытыхъ нынѣ тривіальностей Бокля, оказалась неудачною. Она не могла удовлетворить самого автора, который, со своей геніально-страстной натурой, не могъ мыслить иначе, какъ *самостоятельно*. Онъ *долженъ* былъ *самъ* подготовить философскую почву для всесторонняго развитія опредѣлившей весь его духовный міръ мысли. Эта-то самостоятельная работа мысли и выразилась въ его „Исповѣди“, „Въ чемъ моя вѣра“, „О жизни“, „Крей-

церова соната“ *) и во всемъ XII-мъ томѣ собранія его сочиненій. Форма, въ которой высказывалась постепенно, какъ-бы катясь по наклонной плоскости, все рѣзче и опредѣленнѣе, эта мрачная, злая мысль, различна; различно и достоинство пріемовъ ея выраженія и обоснованія, большею частью философски-несостоятельныхъ по ихъ пестрому казуистическому характеру (образы, личныя волненія и чувства вмѣсто опредѣленія понятій); но мысль съ начала до конца только развивалась, но не измѣнилась. Начавъ съ отрицанія „надменныхъ и призрачныхъ“ стремленій нелѣпаго и лживаго индивидуальнаго бытія, графъ Л. Толстой кончаетъ *полнымъ* отрицаніемъ этого бытія и всего, что съ нимъ связано, начиная съ науки, искусства, права и т. п. и кончая половой любовью и самымъ существованіемъ человѣческаго рода!

Міровоззрѣніе это, систематически и послѣдовательно отрицающее всякое *самостоятельное значеніе личности и задачу ея развитія, какъ жизненную задачу*, признающее и то и другое за зло и ложь,—составляетъ во всѣхъ частяхъ своихъ прямую противоположность тому *спиритуалистическому* воззрѣнію, признающему, наоборотъ, духовную *личность за самое реальное и цѣнное, а ея развитіе—за высочайшую задачу жизни*, на которомъ основана всякая культура вообще и наша, христіанская, въ особенности. Противоположеніе это, такимъ образомъ, есть противоположеніе отрицающаго самоцѣнное индивидуальное бытіе, во имя безличнаго начала, *пантеизма* и *спиритуализма*, для котораго необходимы и личный Богъ, и личное общеніе съ Нимъ въ обрядѣ, молитвѣ и таинствѣ, и охрана и развитіе

*) „Власть тьмы“—pendant къ послѣдней по содержанію.

личности (слѣд., и право, и экономія, и государство, и наука и искусство, и половая любовь, продолжающая родъ и развивающая личность и т. д., и т. д.) *).

Мы здѣсь, конечно, не намѣрены рѣшать вѣковѣчнаго спора между признающимъ реальность и смыслъ только за общимъ безличнымъ началомъ бытія пантеизмомъ (матеріалистическимъ или идеалистическимъ—все равно) и—признающимъ этотъ смыслъ и реальность лишь за *личнымъ* сознающимъ духомъ — спиритуализмомъ **). Это дѣло цѣлой философской системы. Здѣсь мы ограничимся немногими замѣчаніями, доказывающими совершенную несостоятельность основаній *своеобразнаго* пантеизма у гр. Л. Толстого.

Его міровоззрѣніе имѣетъ, какъ мы видѣли, два основанія: 1) ложь, зло и призрачность индивидуальнаго бытія въ пространствѣ и времени и 2) истину, добро и реальность общаго, безличнаго разума внѣ пространства и времени.

На чемъ основано во-первыхъ *отрицаніе индивидуальной жизни* и ея стремленій, какъ чего-то ложнаго и призрачнаго у гр. Л. Толстого? На томъ соображеніи, что смыслъ индивидуальной жизни состоитъ *только* въ стремленіи къ благу, къ счастію, а между тѣмъ счастіе это и благо для индивидуума *никогда не достижимы*, въ чемъ и обнаруживается-де *самопротиворѣчіе* индивидуальной жизни, ея нелѣпость. Разсужденіе это столь же старо и тривіально (хотя встрѣчается и у очень се-

---

*) И съ которымъ, какъ показываетъ христіанская мораль, очень хорошо ужится и смиреніе сильной личности и самоотреченіе.

**) Безличны матерія, идея, какая-нибудь «безсознательная міровая душа»; но духъ, вѣдомый себѣ, именно потому, что онъ знаетъ *о себѣ*, не можетъ быть иначе какъ *личный* духъ. Поэтому пантеизмъ, уживающійся съ самыми разнородными ученіями, со спиритуализмомъ, признающимъ духъ за единое реальное, безусловно несовмѣстимъ.

ріозныхъ философовъ, какъ Шопенгауэръ, наприм., только не придающихъ ему того *рѣшающаго* вопросъ значенія, какъ графъ Л. Толстой), какъ и невѣрно и основано на произвольномъ смѣшеніи понятій. Прежде всего замѣтимъ, что, начавъ съ признанія стремленія къ счастію и благу за *единственный* смыслъ жизни,— *во имя его-же,* этого счастія и блага (по его недостижимости), отрицать жизнь, т. е. *это-же* стремленіе къ счастію и благу представляется недостаточно-логичнымъ: въ этомъ разсужденіи очевидно *чего-то* недостаетъ, что-то *не досказано*, есть какой-то *кругъ* и petitio principii *). На произвольномъ смѣшеніи понятій (терминовъ) основано затѣмъ и утвержденіе, будто личное счастіе *никогда* недостижимо. Мы, наоборотъ, утверждаемъ, что *личное счастіе всегда достижимо и достигается столько-же времени каждымъ, сколько длится его жизнь.* Нужно только помнить, что мы говоримъ именно *о личномъ счастіи*, а не о чемъ-либо другомъ, не о какой-нибудь, напр., общей *задачѣ* мысли или дѣятельности. Счастіе—не такая мыслимая *умомъ* задача, но *чувство*; оно не мыслится, но чувствуется. Какъ *всякое* чувство, оно реально только въ самый моментъ его переживанія. *Воспоминаніе* о пережитомъ счастіи, мысль о немъ столь-же мало суть самое реальное счастіе, какъ и воспоминаніе о прошедшей зубной боли есть сама зубная боль. Точно также и разъ реально пережитое, почувствованное мною счастіе не перестаетъ быть реально въ свое

*) *Или* стремленіе къ счастію принимается за *едино-реальное* въ жизни (хотя-бы въ формѣ самоутвержденія), но тогда не можетъ быть реально жизни, не осуществляющей его, и оно не осуществлено только тамъ, гдѣ нѣтъ жизни; *или* признается нѣчто *реальнѣйшее въ жизни внѣ и независимо* отъ стремленія къ счастію (наприм., разумъ, истина, добро, какъ нибудь осуществимыя и помимо личнаго счастія), но тогда опять неосновательно отрицать осуществляющую ихъ жизнь изъ-за недостижимости одного личнаго счастія.

время бывшимъ моимъ счастіемъ, *не уничтожается* какъ счастіе отъ того, что я *послѣ* когда-нибудь, думая о немъ, признаю его ничтожнымъ или призрачнымъ. Въ *этотъ позднѣйшій моментъ* я могу чувствовать себя очень скверно, (напр., вслѣдствіе злости, пресыщенія, дряхлости, катарровъ и т. п.), быть глубоко несчастнымъ, но того, что я *былъ* вполнѣ реально счастливъ, это мое позднѣйшее сужденіе не уничтожаетъ, какъ и вообще бывшаго сдѣлать не бывшимъ—

„Сами боги всемогущіе не властны".

И я могу въ *каждый* послѣдующій моментъ всей моей жизни признавать, что реально испытанное мною въ предшествующій моментъ счастіе было неважно и призрачно, и, тѣмъ не менѣе, *считая* самъ себя все время несчастнымъ, я *реально былъ* въ эти моменты жизни моей счастливъ, ибо *чувствовалъ* счастіе.

Въ чемъ-же вина такого нелѣпаго, до очевидности фальшиваго *сужденія* моего о моемъ *дѣйствительномъ счастіи?* — Да просто въ томъ, что я *сужденіе* мое, дѣло разсудка и разума, подставляю на мѣсто *чувства*, каково реальное счастіе и несчастіе. По этой-то нелѣпой ошибкѣ такъ часто самые благополучные, счастливые люди всю жизнь сами себя считаютъ несчастными, достойными сожалѣнія. Эту-же ошибку смѣшенія *сужденія ума* о чувствѣ съ самимъ чувствомъ и упущенія изъ виду того обстоятельства, что никакое сужденіе ума не можетъ *уничтожить* разъ реально почувствованнаго счастія и сдѣлать его изъ бывшаго счастья бывшимъ несчастьемъ *), повторяютъ и всѣ пессимистическія *исчисленія* перевѣса страданій жизни

*) Дѣйствіе такого сужденія можетъ распространяться не на прошедшее, а лишь на *будущее*. Составивъ себѣ *понятіе* о призрачности и лживости всѣхъ тѣхъ благъ, которыми насъ манитъ и радуетъ

надъ ея наслажденіями у Шопенгауэра, Гартмана и ихъ безчисленныхъ послѣдователей. Ошибка эта тѣмъ болѣе очевидна, что во *всякомъ* реальномъ моментѣ всякой жизни, какъ-бы онъ ни былъ мучителенъ, есть неизбѣжно и *положительное*, доставляющее счастіе и выше всего цѣнимое чувство, *самочувствіе*, *сознаніе своего бытія* (the enjoyement of existence), длящееся столько-же, сколько и сама жизнь *).

Поэтому безошибочно можно сказать, въ противность всѣмъ разсудочнымъ *разсчетамъ* пессимизма, утверждающаго, будто личное счастіе никогда недостижимо, что, наоборотъ, *каждый счастливъ по своему ровно столько, сколько живетъ*. Можетъ быть неосуществима та или иная *задача* дѣятельности, тотъ или иной *планъ* жизни. Осуществленіе того и другого, *успѣхъ*, зависитъ отъ такого необозримаго множества непредрасчислимыхъ условій, что оно—*внѣ* человѣческихъ расчетовъ и власти. Но если-бы оно зависѣло отъ нашей власти и разсчетовъ, то едва-ли жизнь наша отъ этого стала-бы для насъ интереснѣе, богаче содержаніемъ, а мы сами—энергичнѣе и лучше. Того что будетъ въ результатѣ нашихъ усилій, мы не знаемъ, знаемъ-же лишь опредѣленно — къ чему *должны* стремиться. Большаго для энергичной жизни и не нужно! **) Но *чувство* жизни

жизнь, я, конечно, буду впередъ уже холодно относиться къ этимъ благимъ, предлагаемымъ мнѣ жизнью: моя способность воспринимать ихъ, моя впечатлительность измѣнятся отъ моего сужденія. Но это значитъ только, что модный пессимизмъ есть не *ученіе* вѣрно установившее дѣйствительный перевѣсъ страданій жизни надъ ея наслажденіями, а такое сужденіе, которое само уничтожаетъ способность наслаждаться, увеличивая страданія жизни. Въ *этомъ* учитель пессимизма, Гартманъ, даже видитъ и *благотворность* пессимизма и его *доказательство!!*

*) Обстоятельнѣе сказано у меня объ этомъ въ брошюрѣ „Страданіе и наслажденіе жизни", СПБ., 1885 г.

**) Fais que dois, advienne que pourra,—это девизъ не только рыцаря, героя и убѣжденнаго человѣка, но и истинно-христіанскій.

и слѣдовательно, счастіе каждымъ неизбѣжно всю жизнь достигается. Противоположное утвержденіе, ставящее судящій разсудокъ на мѣсто реальнаго чувства, забываетъ очень простой психологическій законъ, что чувство только реально *переживается, но не воспроизводится* (какъ чувство) въ представленіи или понятіи о немъ при воспоминаніи. На одной такой—даже не метафизической, а только психологической—ошибкѣ очевидно нельзя основывать отрицанія смысла и реальности индивидуальнаго бытія, какъ дѣлаетъ гр. Толстой. Для этого требуются болѣе серіозныя метафизическія основанія, какихъ у гр. Л. Н. Толстого не имѣется. (Наприм., признаніе всякой индивидуальности, множественности вообще за только-субъективное представленіе).

Не серіознѣе обстоитъ дѣло и съ другимъ основоположеніемъ ученія графа Л. Н. Толстого, съ его утвержденіемъ, будто *разумъ*, во имя котораго отрицается индивидуальное, временно-пространственное бытіе, *имѣетъ бытіе общее, безличное, внѣ времени и пространства*. Въ этомъ положеніи, не менѣе старомъ и банальномъ, чѣмъ только-что разобранное (хотя и также встрѣчающемся у крупнѣйшихъ философовъ, *иначе* только, серіознѣе, чѣмъ гр. Л. Н. Толстой, его обосновывающихъ) содержится несомнѣнная истина вмѣстѣ съ несомнѣннымъ же заблужденіемъ. *Содержаніе* разума, его идеи, понятія, сужденія (наприм., математическія и нравственныя истины), и ложныя и истинныя, — дѣйствительно *обще* людямъ всѣхъ временъ и пространствъ. Оно *внѣ* времени и пространства, не преходяще. Но это еще не значитъ, чтобы и *самый разумъ*, имѣющій это содержаніе, былъ общъ, безличенъ и внѣ пространства и времени. Это было бы такъ только, если бы самъ *разумъ былъ — только его содержаніе*, если бы въ сущности *были* только идеи, понятія, сужденія, а разумъ

былъ только *поприщемъ*, мѣстомъ ихъ самобытной смѣны, развитія, ихъ вмѣстилищемъ. Такъ оно и представляется въ ученіи *идеализма* съ его „саморазвивающеюся“ идеею, понятіемъ и т. п. (какъ у Гегеля, наприм.)

Но графъ Л. Толстой ничего общаго съ этимъ заправскимъ идеализмомъ не имѣетъ *), —онъ говоритъ о разумѣ, какъ *реальномъ* началѣ жизни. Разумъ дѣйствительно есть *реальное* начало: онъ не пассивное вмѣстилище „своего содержанія“, не мѣсто саморазвитія или „поприще“ игры своихъ идей и понятій, но *дѣятельно полагаетъ*, опредѣляетъ свое содержаніе, свои идеи и понятія. Всего этого содержанія и нѣтъ вовсе безъ его реальной дѣятельности. И этотъ, дѣятельно вырабатывающій себѣ свое содержаніе, разумъ не только реаленъ, а даже есть и единственная реальность, которую мы *непосредственно* знаемъ. Все прочее мы знаемъ въ немъ и черезъ него, даже, собственно говоря, ничего кромѣ его и его дѣятельности мы вовсе и не знаемъ, какъ не разъ признаетъ и гр. Л. Толстой. Но если мы все знаемъ въ немъ и черезъ него, то наше знаніе о немъ самомъ есть самое *несомнѣнное и обязательное* изъ всѣхъ знаній. Какимъ же знаемъ мы его?

Такой реальный разумъ, дѣятельно вырабатывающій *общія и безличныя*, внѣвременныя и внѣпространственныя идеи свои, свое содержаніе, — самъ *ни безличенъ, ни общъ*, не представляется намъ никогда ни внѣвременнымъ, ни внѣпространственнымъ. Онъ *непосредственно* вѣдомъ мнѣ только *какъ личный, знающій о себѣ* (а въ этой вѣдомости себѣ — и самое существо всякой жизни, сознаніе). Непосредственно же вѣдомъ мнѣ разумъ, поэтому, и какъ *не общій*, но именно относя-

*) И не можетъ имѣть, потому что мышленіе, идея, истина для него цѣнны не *сами по себѣ*, а лишь какъ орудія блага, пользы.

щійся *къ себѣ*, полагающій себя, какъ *я*. Не можетъ быть этотъ реальный, личный, всеобщій разумъ, какъ реальнодѣятельный, и *внѣ времени*, ибо всякая дѣятельность *полагаетъ* раздѣленіе моментовъ во времени. Если такой разумъ и не *есть* во времени, не опредѣленъ временемъ, то своею дѣятельностью *полагаетъ*, опредѣляетъ время. Остается такимъ образомъ лишь вопросъ о пространствѣ, т.-е. существуетъ ли только *одинъ* реальный, личный и не общій разумъ, *внѣ* котораго ничего нѣтъ, или же ихъ существуетъ безконечное *множество*, одни внѣ другихъ, т.-е. въ пространствѣ? Но какъ бы этотъ послѣдній вопросъ (монизма или плюрализма) ни рѣшился,—мѣста для признанія „разума“ гр. Л. Толстого, т.-е. разума реальнаго и въ то же время безличнаго, общаго и внѣвременнаго,—*нѣтъ*. Можетъ быть рѣчь о такомъ разумѣ, повторяемъ, только въ *идеализмѣ*, для котораго въ то же время существенное — вовсе не въ „разумѣ“ или сознаніи, а въ *идеѣ*, и отъ котораго графъ Л. Н. Толстой безконечно далекъ.

Такимъ образомъ оба основоположенія изложеннаго міровоззрѣнія гр. Л. Толстаго оказываются не выдерживающими даже легкаго прикосновенія философской критики, лишенными всякаго основанія, висящими на воздухѣ. Но если мы не видимъ солидныхъ *основаній* у этого столь законченнаго въ себѣ умственнаго зданія, то за-то передъ нами всѣ его невѣроятные выводы, части. Каждая изъ нихъ объявляетъ зломъ, ложью и нелѣпостью какое-нибудь изъ самыхъ существенныхъ и драгоцѣнныхъ намъ вѣрованій, стремленій и жизненныхъ благъ нашихъ, а всѣ онѣ вмѣстѣ—объявляютъ ложью, зломъ и нелѣпостью всякое дѣло личной жизни и *исторіи*, всякую человѣческую *культуру* вообще и—спиритуалистическую, христіанскую, въ особенности. Что-же намъ дѣлать въ виду этой страшной Медузовой

головы, этого колоссальнаго какъ по силѣ и полнотѣ, такъ и по совершенному нескрываемому *отсутствію* основаній осужденія всего нашего бытія въ безсмыслiи, лжи и развратѣ? Приходить въ ужасъ, въ негодованіе? Но негодованіемъ сдѣланному злу не поможешь! Особенно не поможемъ мы ему тамъ, гдѣ *мы сами*, наше общество въ этомъ злѣ, по крайней мѣрѣ отчасти, виноваты. А оно именно такъ: въ обществѣ съ дѣйствительно-*философскимъ*, *гуманитарнымъ* образованіемъ— подобное ученіе *не могло*-бы создаться, а если-бы и создалось, то не пріобрѣло-бы столькихъ рабски преклонившихся предъ нимъ недоумѣвающихъ поклонниковъ, не получило-бы и столько стадныхъ одобреній даже въ „образованной“ средѣ нашей, скучающей, падкой до „пикантнаго“, какъ-бы намѣренно развлекающей себя недоумѣніемъ...

Заблужденіе слишкомъ систематично, колоссально и глубоко-неисправимо для того, чтобы, въ виду производимаго имъ потрясающаго, *истинно-трагическаго* впечатлѣнія, оставлять мѣсто такимъ чувствамъ, какъ вражда и негодованіе. Само, однимъ своимъ появленіемъ въ обнаженномъ видѣ, оно произноситъ себѣ приговоръ, тѣмъ болѣе безпощадный и страшный, чѣмъ на созиданіе этой злой *карикатуры мірозданія* было положено болѣе силъ, таланта и искренней, беззавѣтной страсти. Никакая критика здѣсь ничего не прибавитъ къ самому, слишкомъ краснорѣчивому факту.

Судьба надѣлила графа Л. Толстого, какъ-бы въ видѣ корректива, даромъ геніально *объективнаго* воспроизведенія дѣйствительности въ художественныхъ образахъ. Въ этихъ безсмертныхъ образахъ, созданныхъ имъ, внутренняя правда дѣйствительности, именно благодаря его чрезвычайной объективности, наперекоръ его желаніямъ и тенденціямъ, говоритъ сильнѣе и яснѣе,

чѣмъ въ его философствующихъ личныхъ поученіяхъ и разсужденіяхъ. Тамъ сама жизнь, а жизнь всегда поучительнѣе любого учителя. И эти произведенія навсегда останутся драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ не только русской, но и міровой, *культурной* литературы. *Ученіе*-же его, столь многихъ праздныхъ живо развлекавшее послѣдніе годы и столь многихъ искреннихъ, но слабыхъ, сбившее—увы!—съ толку, тоже навсегда останется культурному человѣчеству *урокомъ*, *какъ не должно мыслить*, не отрекаясь вовсе и безповоротно отъ идей истины, добра и красоты.

VI.

Таковъ общій характеръ *ученія* гр. Л. Н. Толстого, выясняющійся изъ разсмотрѣнія всѣхъ существенныхъ частей его въ ихъ внутренно-необходимой связи, раскрывающей послѣдовательно и дополняющей смыслъ каждой изъ нихъ въ цѣломъ, и въ ихъ полнотѣ. Эта внутренно-необходимая связь, полнота и законченность цѣлаго ученія настолько очевидны, при всей сжатости нашего бѣглаго обзора, дозволявшей останавливаться лишь на самомъ существенномъ (хотя и на всемъ существенномъ), что общая характеристика вполнѣ несомнѣнна. Не можетъ возникнуть повидимому никакихъ сомнѣній на счетъ *чисто-отрицательнаго* характера всего ученія, какъ ученія. Идти въ отрицаніяхъ дальше, чѣмъ пошелъ графъ Л. Н. Толстой, послѣдовательно развивая свое исходное, основное отрицаніе самостоятельнаго значенія индивидуальности, а на высшей ступени ея жизни (какъ сознающая себя индивидуальность) личности, невозможно, некуда.

Вмѣстѣ съ этимъ первымъ отрицаніемъ даны и всѣ послѣдующія. Дано прежде всего отрицаніе самой жизни, ибо индивидуальность есть та необходимая форма, внѣ которой жизни нѣтъ и не можетъ быть. Дано

отрицаніе и какой - бы то ни было творческой, свободной воли, ибо такая воля можетъ быть только личною, знающею о себѣ. Дано слѣдовательно и отрицаніе личнаго Бога и религіи, какъ личнаго общенія человѣка съ Нимъ, и личнаго спасеніи и личнаго безсмертія, и отрицаніе нравственнаго характера личнаго существованія внѣ отношеній къ цѣлому роду (какъ напр., у человѣка, выброшеннаго моремъ на необитаемый островъ), т. е. чисто-личной нравственности. Дано и отрицаніе всякой цѣнности у развитія и усовершенствованія силъ личнаго духа въ наукѣ и искусствѣ, въ государствѣ и народности, — у обогащенія его содержаніемъ и подъема его творческой энергіи.

Въ результатѣ этихъ отрицаній естественно получается и идеалъ жизни чисто-отрицательный, — требованіе, чтобы жизнь имѣла по возможности меньше содержанія, личныхъ цѣлей и стремленій и личнаго творчества, пріобрѣтая нравственную цѣну лишь отъ сознанія человѣка, что онъ *не сдѣлалъ* того или другаго зла, и не выходя за предѣлы *родовыхъ* проявленій жизни. Ученіе, выступающее съ подобными основными чертами, конечно, нельзя назвать иначе какъ отрицательнымъ. Такимъ остается оно само по себѣ, какъ ученіе, кто-бы ни былъ его создатель и пророкъ, каковы-бы ни были свойства личнаго характера, намѣренія и задачи послѣдняго. О христіанинѣ, проповѣдующемъ отрицаніе личнаго Бога, спасенія и безсмертія, можно думать, что онъ христіанинъ при всей своей искренности недоумѣвающій и самопротиворѣчивый, но нельзя утверждать о немъ, что его *ученіе* есть ученіе христіанское, евангельское! О моралистѣ, отрицающемъ творческую, свободную личную волю и положительныя задачи личной нравственности, какова, напр., культура своихъ личныхъ духовныхъ силъ, можно сказать, что онъ, какъ и всякій пантеистъ, придаетъ вообще нравственности, въ точномъ смы-

слѣ этого слова, второстепенное, несущественное значеніе въ общей міровой экономіи, но нельзя утверждать, будто онъ — проповѣдникъ христіанскаго нравоученія и сравнивать его съ христіанскими нравоучителями! О художникѣ, который изъ прекраснѣйшихъ, жизненно-правдивыхъ и самихъ по себѣ поучительныхъ художественныхъ образовъ, имъ созданныхъ, выводитъ сомнительныя и невѣрныя отвлеченныя поученія, м жно сказать, что онъ плохой мыслитель, какъ и объ ученомъ (а такихъ много!), который изъ богатѣйшаго собраннаго имъ фактическаго матерьяла не умѣлъ сдѣлать ни одного основательнаго и цѣннаго вывода. Но нельзя дѣлать прекрасный художественный образъ или цѣнный научный матерьялъ отвѣтственными за нелѣпость и скудость извлеченныхъ изъ нихъ кѣмъ-либо обобщеній и поученій! Подобное смѣшеніе свидѣтельствовало бы въ совершившемъ его, словами Н. Н Страхова (Вопросы философіи и психологіи, кн. 9, ст. 102), о „его непониманіи или извращеніи эстетическаго вкуса“ и научнаго такта. Свойства ученія ложнаго и истиннаго не измѣняются отъ того, кѣмъ, и для чего оно предлагается, какъ и свойства прекраснаго художественнаго произведенія нисколько не утрачиваются отъ того, что намъ неизвѣстенъ его творецъ. И кто бы ни былъ авторомъ изложеннаго нами чисто-отрицательнаго ученія, „религіозно“ ли и „нравственно“ настроенный графъ Л. Толстой, или человѣкъ безъ всякаго религіознаго и нравственнаго настроенія, — самое *ученіе*, конечно, отъ этого не станетъ—ни менѣе, ни болѣе отрицательнымъ, враждебнымъ христіанству, чуждымъ евангелія и евангельской нравственности и т. п. Критика ученія, опредѣленіе его достоинствъ и недостатковъ, всегда поэтому имѣютъ и должны имѣть въ виду *самое ученіе*, а не болѣе или менѣе гадательныя предположенія о вѣроят-

номъ настроеніи его автора, который можетъ быть намъ или нашимъ потомкамъ и вовсе неизвѣстенъ, какъ это мы и видимъ относительно многихъ изъ крупнѣйшихъ произведеній человѣческой мысли и творчества.

Оставаясь на этой своей, очевидно, законной, не требующей оправданій, почвѣ, наша серьезная критика послѣдняго времени все яснѣе и опредѣленнѣе обнаруживаетъ *чисто-отрицательный* и отнюдь не религіозный, а тѣмъ болѣе не христіанскій, но пантеистическиматерьялистическій характеръ ученія графа Л. Толстого. Особенно много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи проф. А. Гусевъ въ своихъ послѣднихъ разборахъ (появившихся уже послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія этой брошюры), главныхъ частей ученія Л. Толстого, указавъ между прочимъ и на первоисточники, изъ которыхъ графъ Л. Толстой заимствовалъ свои руководящія идеи, опредѣлившія его отношеніе и къ религіознымъ и къ нравственнымъ вопросамъ, т.-е. ученія О. Конта и А. Шопенгауэра. Эти обстоятельные и ученые разборы до очевидности подтверждаютъ вѣрность сдѣланной нами характеристики ученія, — какъ отнюдь не религіозно-нравственнаго, но философскаго ученія извѣстной категоріи. Но даже и другой критикъ графа Л. Н. Толстого, Ю. Николаевъ, ранѣе усиленно настаивавшій на томъ, что графъ Л. Толстой долженъ быть понимаемъ и судимъ не какъ философствующій художникъ-мыслитель, а какъ религіозный проповѣдникъ, нынѣ уже видитъ въ немъ не религіознаго реформатора, а великаго художника и посредственнаго мыслителя отрицательнаго направленія. Такъ представляется дѣло для тѣхъ, кто имѣетъ въ виду самое ученіе графа Л. Толстого, его содержаніе.

Возможно, однако въ наше время—какъ это ни казалось-бы на первый взглядъ невѣроятнымъ и несовмѣ-

стимымъ съ задачами сколько-либо философской и литературной критики — оцѣнивать достоинства ученія и не по его содержанію, не по тѣмъ положеніямъ, которыя въ немъ ясно и опредѣленно выражены, но по болѣе или менѣе правдоподобнымъ представленіямъ критика о *личности* автора и его настроеніи. Отношеніе критика къ автору ученія здѣсь должно рѣшить и вопросъ о томъ или иномъ отношеніи къ самому ученію, каково-бы ни было содержаніе послѣдняго. Доказательство возможности подобнаго страннаго заключенія отъ личныхъ качествъ и свойствъ развитія автора къ достоинствамъ его ученія доставилъ нашей читающей публикѣ одинъ изъ почтеннѣйшихъ нашихъ и ученыхъ писателей Н. Н. Страховъ, выступивъ съ апологіей ученія графа Л. Толстого въ статьѣ „толки о гр. Львѣ Толстомъ“ („вопросы философіи и психологіи“, кн. 9). Здѣсь ученіе графа признается за раскрывающее намъ истинный смыслъ христіанства (несмотря на отрицаніе личнаго Бога, спасенія, безсмертія, молитвы, таинства, церкви и т. д.!!) и за истинно христіанское нравоученіе, возвышающее душу и живительное (несмотря на отрицаніе свободы воли и собственныхъ положительныхъ задачъ личной нравственности!). Такимъ необходимо будто-бы признать ученіе графа, не придираясь къ его частностямъ, ради той беззавѣтной искренности и глубокой страстности настроенія, съ которыми графъ Л. Толстой дошелъ до созданія своего ученія на пути безкорыстнаго исканія религіозной и нравственной правды! Добрыя и искреннія личныя намѣренія и стремленія здѣсь должны служить достаточнымъ ручательствомъ высокихъ достоинствъ того міровоззрѣнія, къ которому они привели графа Л. Толстаго, оградить это міровоззрѣніе отъ критики и осужденія!!

Слишкомъ очевидно, что подобный пріемъ совершенно уничтожаетъ всякую возможность какой-либо *предметной*

критики, логической, эстетической или нравственно-философской. Слишкомъ очевидно, что на мѣсто довѣрія къ логически обоснованной мысли или подчиненія духа красотѣ нравственнаго идеала онъ ставитъ *довѣріе къ личности* и подчиненіе ея разъ признанному достоинству, оправдывающему уже все отъ нея исходящее, будь это самая очевидная нелѣпость, самое возмутительное юродство. Слишкомъ очевидно это для того, чтобы не высказать изумленія, что подобный чуждый задачамъ литературы, науки и критики пріемъ примѣненъ въ дѣлѣ защиты ученія графа Л. Толстого именно такимъ серьезнымъ литераторомъ, ученымъ и критикомъ, какъ Н. Н. Страховъ!

Дѣло, которое для своей защиты требуетъ такого невозможнаго критическаго пріема, очевидно, дѣло безнадежно проигранное...

Въ концѣ своего „отвѣта на письмо неизвѣстнаго“ (В. ф. и пс., кн. 11-я), вызванное этою его защитою ученія графа Л. Толстого, Н. Н. Страховъ говоритъ: „Кто-то мнѣ сказалъ, что мои *Толки* есть только адвокатская рѣчь. Пусть и такъ, но надѣюсь—не въ смыслѣ всякой лжи и натяжекъ, какими ославили себя адвокаты, а лишь въ томъ смыслѣ, что у меня берется только *одна* сторона дѣла. Дѣйствительно я пытался опредѣленно указать *положительныя* стороны явленія, которое всѣхъ занимаетъ“ (с. 100) т. е. ученія графа Л. Толстого. Но если указывать на однѣ положительныя стороны предмета, умалчивая о его сторонахъ отрицательныхъ, всегда и вездѣ означало *искажать* понятіе о предметѣ въ умѣ слушателя или читателя, сознательно вводить его въ заблужденіе,—то такой пріемъ, конечно, ни въ общежитіи ни въ литературѣ не заслуживаетъ ни одобренія, ни подражанія. Кончаемъ поэтому выраженіемъ искренней надежды, что не встрѣтитъ себѣ въ нашей

литературѣ ни подражателей, ни продолжителей и невозможный „критическій“ пріемъ, къ которому, неожиданно для всѣхъ читателей и почитателей Н. Н. Страхова, прибѣгнулъ этотъ всегда серьезный и добросовѣстный, украшающій собою нашу литературу, писатель, взявшись за апологію ученія графа Л. Толстого!

Впрочемъ, чего не бываетъ въ наше время—fin du siécle...!

Дозволено цензурою. Москва, 10 февраля, 1892 года.